

Х. Д. Семина

Записки сестры милосердия

Кавказский фронт

Кавказский фронт

1914–1918

• КУЧКОВО ПОЛЕ •

ВОЕННЫЕ

МЕМОУАРЫ

Военные мемуары (Кучково поле)

Х. Д. Семина

**Записки сестры милосердия.
Кавказский фронт. 1914–1918**

Издательство «Кучково поле»

1963–1964

УДК 94
ББК 63.3(0)53

Семина Х. Д.

Записки сестры милосердия. Кавказский фронт. 1914–1918
/ Х. Д. Семина — Издательство «Кучково поле», 1963–
1964 — (Военные мемуары (Кучково поле))

ISBN 978-5-9950-0588-9

В мемуарах Х. Д. Семиной нашли отражение события Великой войны как на Кавказе (особенно периода Сарыкамышской операции), так и в Персии. При этом автор старается дать нравственную оценку происходящему с ней или вокруг нее. Уникальное положение мемуаристки – вольнонаемной сестры милосердия, жены военного врача, постоянно кочующей между фронтом и тылом, позволяет ей развернуть перед читателем многоликую панораму российской жизни в годы Первой мировой войны. Она подробно описывает жизнь всех слоев тогдашнего общества в различных условиях – и в ближайшей прифронтовой полосе (Сарыкамыш, Ван, Урмия), и в городах Кавказа, где группировалось командование Кавказской армии и ее частей (Тифлис, Карс) или шла обычная беззаботная жизнь (Баку, Батум), и в далеком тылу (в Поволжье и Прикамье).

УДК 94
ББК 63.3(0)53

ISBN 978-5-9950-0588-9

© Семина Х. Д., 1963–1964
© Издательство «Кучково поле», 1963–
1964

Содержание

Предисловие. О записках сестры милосердия	6
Часть первая. Накануне надвигавшейся катастрофы не только моей жизни, но и моей Родины	11
Глава 1	11
Глава 2	23
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Х. Д. Семина
Записки сестры милосердия.
Кавказский фронт. 1914–1918 гг.

© ООО «Кучково поле», 2016

© ООО «Горные технологии», 2016

Предисловие. О записках сестры милосердия

«Трагедия русской армии Первой Великой войны» Х. Д. Семиной – редкий источник по истории Первой мировой, что становится очевидным уже из подзаголовка: «Записки сестры милосердия Кавказского фронта». Воспоминаний сестер милосердия известно крайне мало, а книга Х. Д. Семиной была почти недоступна для отечественного читателя, так как единственное ее издание вышло в Нью-Мексико в 1963–1964 годах. Повествование охватывает период с конца 1900-х – начала 1910-х годов и приблизительно до середины 1919 года, хотя в тексте воспоминаний конкретные даты отсутствуют. Вместе с тем повествование весьма последовательное, связное, целостное. Автор воспоминаний стремится дать широкую панораму российской жизни в описываемый период. С другой стороны, ее записки достаточно интимны, поскольку изображаемые в них события эмоционально окрашены и передаются в их индивидуальном восприятии и оценке.

Великая война на Кавказском театре чрезвычайно мало отражена в литературе, в том числе мемуарной, поскольку в сознании как обывателей, так и профессиональных историков ее заслоняет грандиозная панорама Западного фронта. Масштабность боевых действий там и катастрофичность их последствий для России (да и для многих других стран) привели к тому, что события на Кавказе и на Черном море и их результаты до сих пор изучены и описаны недостаточно. Кроме того, в советской историографии намеренно не акцентировались страницы громких и славных побед русской армии против Турции как связанные с именем кавказского командующего генерала Н. Н. Юденича, в годы Гражданской войны возглавившего Белое движение на Северо-Западе России.

Между тем, умалять значение войны с Турцией для России невозможно. С точки зрения экономической, на первый план выступала проблема Черноморских проливов – их закрытие с началом боевых действий отрезало Россию от союзников. Поставки прекратились, снабжение нарушилось, нужды огромной армии приходилось во многом обеспечивать силами отечественной промышленности, недостаточно для этого мощной. С политической точки зрения (или духовно-исторической) идея водружения Креста над св. Софией Константинопольской продолжала быть глубоко значимой и для русского правительства, и для русского народа. Забегая вперед, необходимо указать, что успехи Кавказской армии в 1915–1916 годах в войне против турок (в частности, победоносный захват Эрзерума и Трапезунда) делали эту мечту вполне осуществимой.

Со своей стороны, Турция рассматривала противодействие России в Закавказье и на Черном море как защиту собственных жизненных интересов. Была у Османской империи и своя духовно-идейная подоплека в войне – панисламистская и пантюкистская (которые в собственных, чисто политических, целях поддерживала и Германия). Предполагалось, что к наступающим турецким войскам по мере их успешного продвижения по территории России будут присоединяться тюркские народы не только Кавказа, но и Поволжья, и Средней Азии. Германские и турецкие агенты приложили немало усилий для организации восстания мусульман русского Кавказа, и в ряде случаев такие выступления действительно имели место и временный успех.

В октябре 1914 года боевые действия против Турции начались в неблагоприятной для России обстановке. За три месяца, на которые оказалось оттянуто объявление войны по сравнению с войной против Германии и Австро-Венгрии, русская Кавказская армия была на две трети ослаблена переброской двух из трех своих корпусов на Западный фронт. При таких условиях борьба должна была вестись в крайне тяжелой обстановке, с превосходящими силами турок, на фронте огромной протяженности (около 720 км). В сложившейся ситуации перед Кавказской армией была поставлена задача оборонять границу, но в случае невозможности – постепенно отходить на линию Главного Кавказского хребта, удерживая, во-первых, важный экономиче-

ский центр – Баку, с его нефтяными богатствами (на левом фланге), и, во-вторых, Военно-Грузинскую дорогу как кратчайшую связь центра России с Закавказьем. При этом гористая, сильно пересеченная местность крайне затрудняла связь и снабжение, подвоз боеприпасов, подход резервов, а также эвакуацию раненых и больных в тыл.

В самом начале войны Турция постаралась захватить стратегическую инициативу в свои руки, и сначала ей это в известной степени удалось. Военный министр Турции Энвер-паша в соответствии с классическими немецкими образцами разработал план окружения русской армии на Кавказе и ее последующего уничтожения. Согласно этому плану, турецкие войска в октябре 1914 года вторглись в Закавказье в районе Батума, заставив русские части отойти. Продолжая наступление, турки стремились достигнуть военной базы русских – крепости Карс, что в дальнейшем открывало путь вглубь российской территории, на Грузию и Дагестан, и одновременно разгромить основные силы русской Кавказской армии, захватив центр ее снабжения – город Сарыкамыш. Предполагалось, что успех этой операции обеспечит окружение и гибель русских войск, подобные трагедии 2-й армии генерала Самсонова на Западном фронте. Турки рассчитывали, что уже к началу 1915 года в их руках окажется все Закавказье.

Однако решительность начальника штаба Кавказской армии генерала Н. Н. Юденича, не позволившего растерявшемуся русскому командованию окончательно выпустить из рук стратегическую инициативу, переломила ситуацию в пользу России. Под руководством Юденича русским войскам удалось не только не допустить окружения своих главных сил под Сарыкамышем, но и обеспечить разгром 3-й турецкой армии, которая была практически вся уничтожена (причем огромный процент потерь составили замерзшие еще до вступления в бой) или взята в плен. После Сарыкамышского сражения и до конца 1917 года преимущество на Кавказском фронте оставалось на стороне России.

Параллельно часть боевых действий русских войск против турок разворачивалась вне российской территории. Де-факто с началом Первой мировой войны в нее оказалась втянутой и Персия, которая де-юре ни с кем в конфликт не вступала. Однако одряхлевшее государство было неспособно противостоять тому, что воюющие стороны (Россия и Великобритания – с одной стороны, Германия и Турция – с другой) превратили его территории в один из театров военных действий. Помимо геополитического положения Персии, делавшего ее важным стратегическим узлом, лакомым ресурсом для обеих воюющих коалиций была нефть. Россия и Великобритания, еще в 1907 году поделившие зоны влияния в Персии, присвоили себе исключительное право разработки нефтяных месторождений в стране. Германия и Турция, естественно, рассчитывали отвоевать их для себя. Кроме того, Германия планировала с помощью Турции создать единый исламский фронт против Антанты – в составе Персии, Афганистана, Египта и современного Пакистана.

В начале ноября 1914 года две турецкие пехотные дивизии с иррегулярной курдской конницей вторглись в Иранский Азербайджан, захватив город Урмию; в начале января 1915 года был взят город Тебриз. Возникла опасность нападения турок и на русскую часть Азербайджана, а это автоматически означало угрозу главным российским нефтяным месторождениям, большинство которых располагалось тогда на Каспии, в районе Баку. По приказу русского командования в Персию выдвинулся 4-й Кавказский корпус, который умелыми и быстрыми действиями к концу января вернул город Тебриз, а спустя три месяца полностью очистил персидскую территорию от турок. После этого корпус продолжил наступление на Восточную Турцию в район Ванского озера и города Ван, где против турок восстало христианское население Османской империи – армяне и айсоры. Ван, а также захваченная в начале войны Урмия были освобождены, и русские закрепились там и на побережье Ванского озера, хотя не смогли продвинуться дальше из-за недостатка боеприпасов. Однако они успешно отражали все попытки турецкого контрнаступления.

Когда осенью 1915 года в рядах персидской жандармерии вспыхнули волнения (инструкторами в этих подразделениях были шведы, что способствовало развитию там немецкого влияния), это создало угрозу как английской, так и русской частям Персии. Чтобы восстановить положение, в октябре 1915 года на каспийском побережье Персии высадился кавалерийский корпус генерала Н. Н. Баратова. Сравнительно небольшой по численности (около 25 000 человек), но образцовый в плане боеготовности, корпус в декабре овладел Хамаданом, после чего прочно занял русскую зону влияния в Персии, обеспечив контроль над огромной территорией. Также совместно с англичанами была обеспечена защита границы с Афганистаном и теперешним Пакистаном.

Еще одной важнейшей операцией русских войск в Персии во второй половине 1915 – начале 1916 года стала поддержка англичан, блокированных на территории современного Ирака (входившего тогда в состав Турции) в городе Эль-Кут. Из состава корпуса генерала Баратова на помощь британским союзникам было выделено 17 тысяч человек. Отряд достиг города Ханекин в 150 км от Багдада, однако не смог спасти англичан, которые капитулировали 29 апреля 1916 года.

После этого 6-я турецкая армия, осаждавшая Эль-Кут, направилась навстречу Баратову. Несмотря на то, что турецкие войска имели значительное превосходство в численности и вооружении, больших успехов против русских они достигнуть не смогли. (Однако корпусу Баратова пришлось отдать ряд ранее занятых крупных населенных пунктов.) С другой стороны, отвлечение внимания турок на Баратова существенно облегчило положение англичан у Басры, которую они опасались потерять вслед за Эль-Кутом. Интересно, что русские союзники обратились к британским с просьбой произвести хотя бы демонстрацию из района Басры, дабы облегчить давление турок на корпус Баратова, однако англичане отказались.

Когда в ноябре 1916 года в Тегеране была совершена попытка государственного переворота, пресек ее все тот же корпус генерала Баратова. Через месяц русские войска перешли в наступление, постепенно возвращая себе города, отданные туркам во время перехода к Ханекину для помощи англичанам весной. В апреле 1917 года корпус Баратова рассчитывал соединиться с англичанами, захватившими к тому времени Багдад.

В июне англичане убедили русских начать наступление на Мосул в иракском Курдистане. Хотя сил для такого наступления было явно недостаточно, отказать союзникам Баратов не смог. Но из-за турецкого превосходства, тяжелейших условий горного похода и отсутствия английской поддержки (союзники обещали оказать содействие Баратову, но обещания не выполнили) мосульский поход успеха не имел.

Тем временем в России уже вовсю бушевала революция. Из-за отдаленности ее центров от Персии разложение дошло до баратовского корпуса далеко не сразу (вообще части, воевавшие в ходе Первой мировой войны на Кавказском фронте, дольше других воздерживались от революционного развала). Однако в условиях нарастающего хаоса внутри самой России верность старой присяге потеряла смысл. К началу 1918 года все русские войска покинули Персию.

Когда же русская армия оказалась полностью разложенной в результате революционных событий, Турция попыталась выйти обратно к границам, существовавшим до начала Великой войны. Возвратив себе благодаря полной деморализации русских, уже не способных воевать, Трапезунд и Эрзерум, турецкие войска двинулись дальше в Закавказье и весной 1918 года захватили последовательно Карс, Батум и Александрополь. Впрочем, дальнейшее наступление их (на Тифлис) было пресечено их же союзниками – немцами. Между Германией и Турцией разгорался конфликт за раздел сфер влияния в Закавказье, прежде всего в связи с бакинской нефтью, на которую обе стороны хотели наложить руку. Кроме того, турецкий генеральный штаб рассчитывал реализовать свою основную идейно-политическую задачу, заняв Баку и весь Южный Азербайджан и тем самым заложив основу будущей пантюркистской империи.

Параллельно предполагалось создать этим угрозу в тылу англичан на Месопотамском фронте. Однако всем этим надеждам не суждено было сбыться. Турецкое правительство, не получив ожидаемой поддержки кавказских народов, отказалось действовать в рамках идей панисламизма и пантюркизма и 5 октября 1918 года постановило вывести все свои войска с Кавказа. 31 октября 1918 года Османская империя фактически подписала капитуляцию перед державами Антанты. Проливы были открыты для флота союзников, а форты Дарданелл и Босфора заняты войсками победителей. Турция также обязалась уступить все захваченные ею территории в Закавказье.

В мемуарах Х. Д. Семиной так или иначе нашли отражение события Великой войны как, собственно, на Кавказе (особенно периода Сарыкамышской операции), так и в Персии. При этом автор непременно старается дать нравственную оценку происходящему с ней или вокруг нее. Однако описаний боевых действий, встреч с крупными историческими деятелями и тому подобных значимых для исследователя фактов в «Трагедии русской армии» практически нет (что, в общем, неудивительно). Зато уникальное положение мемуаристки – вольнонаемной сестры милосердия, жены военного врача, постоянно кочующей между фронтом и тылом, – позволяет ей развернуть перед читателем многоликую панораму российской жизни в годы Первой мировой войны. Сестра Семина достаточно подробно описывает жизнь всех слоев тогдашнего общества в различных условиях – и в ближайшей прифронтовой полосе, практически в зоне боевых действий (Сарыкамыш, Ван, Урмия), и в городах Кавказа, где группировалось командование Кавказской армии и ее частей (Тифлис, Карс) или шла обычная беззаботная жизнь (Баку, Батум), и в далеком тылу (в Поволжье и Прикамье), где «дыхание войны» чувствовалось лишь благодаря отсутствию в крестьянском хозяйстве мужчин-работников да резкому увеличению производства винтовок на Ижевском оружейном заводе...

Главная ценность записок в том и заключается, что Семиной удалось передать в своей книге «живую жизнь», дух времени, человеческих настроений, духовно-нравственную атмосферу в России в годы Великой войны. В посвящении ко второй части книги автор пишет, обращаясь к русскому воинству, чью трагедию вынесла в заголовок: «Вы были орлы боевые, отдали за Родину молодость и здоровье, а я написала эту книгу, чтобы люди вас не забыли...» Заметим, что «не забыть» можно по-разному. Но своей цели Х. Д. Семина, несомненно, достигла. Благодаря «Запискам» по-новому воспринимаются известные факты (чего стоят только описания замерзших на походе и в горах в ходе Сарыкамышской операции русских и турецких солдат!). Наконец, мемуары Х. Д. Семиной позволяют взглянуть с не совсем привычной точки зрения на главные моменты русской революции.

Исторические последствия революции, породившей «две России» – советскую и зарубежную, непримиримые между собой в описаниях и оценках, во многом исказили взгляд на годы и события, непосредственно революции предшествовавшие. Кроме того, при обилии военных мемуаров о Великой войне, описывающих фронт, ближайший тыл, прифронтовые лазареты, известно сравнительно мало личных источников, в которых бы так же, как в записках Х. Д. Семиной, подробно, с нравственными оценками, давалась бы картина тыловой жизни. Эмигрантам – а подавляющее большинство мемуаристов именно они – часто все время их жизни до вынужденного оставления Родины издалека казалось прекрасным и несправедливо отнятым. Но сестра Семина предлагает нам по-иному взглянуть на Россию.

Несмотря на весь внутренний трагизм «Записок», мемуаристка не жалуется и не сетует на жизнь или на людей, даже на тех, которые, по ее мнению, ведут себя недостойно. Она лишь заставляет каждого из нас задать себе закономерный вопрос: не следует ли признать, что потеря Родины – хотя и чудовищный, но справедливый и закономерный итог тех событий и настроений, которые царили в стране накануне революционной катастрофы? Кем были те, при которых произошла «потеря России» и почему именно в их время? И почему достойные люди в

ходе войны гибли в первую очередь: либо в бою, либо внутренне ломаясь от духовных проблем, которые война обнажает с наибольшей беспощадностью? Имеет ли право отдельный человек в условиях национальной катастрофы на весьма примитивное «счастье», выражаемое в материальных благах и сиюминутных удовольствиях? А если не имеет, то почему?

Благодаря мемуарам Х. Д. Семиной читатель имеет возможность глубоко погрузиться в эпоху, уловить подлинный смысл «живой жизни», который зачастую не поддается полной исчерпывающей рационализации, но может быть прочувствован и отражен в личных записках. Подобное «погружение» позволяет более адекватно подойти к, казалось бы, давно знакомому историческому материалу и увидеть в нем ступеньку к подлинному, ответственному решению духовно-исторических и нравственных проблем, по-прежнему, как и век назад, стоящих перед русскими людьми.

Дарья Болотина

Часть первая. Накануне надвигавшейся катастрофы не только моей жизни, но и моей Родины

*Посвящается моему мужу доктору Ивану Семеновичу Семину и
всему русскому воинству*

*Вы были орлы боевые, отдали за Родину молодость и здоровье, а
я написала эту книгу, чтобы люди вас не забыли...*

Глава 1

После окончания университета муж поступил младшим врачом в Кабардинский полк, который стоял в Карсе. Но, несмотря на то, что кабардинцы мужу очень нравились и жить в Карсе было неплохо, муж хотел домой, в родной город – Баку. Три с половиной года он ждал освобождения вакансии в Сальянском полку, который стоял в Баку. В Баку он родился, кончил гимназию и уехал оттуда только учиться в университете. За эти годы умер его отец, а за две недели до сдачи последнего государственного экзамена умерла и мать.

Отец оставил своим детям несколько больших доходных домов, нефтяные земли и порядочный капитал наличными деньгами. В течение семи лет всем этим имуществом управлял старший брат Алексей. Его кутежи были известны всем в городе. А столько лет бесконтрольного хозяйствования Алексея сильно сократили доходы моего мужа. Младший брат Яша был под опекой Алексея. Он знал все проделки Алексея и незаконные траты им денег, и, пользуясь этим, сам требовал от опекуна большие суммы и тоже прокучивал их. Яша просидел несколько лет во втором классе, а когда умер отец, он бросил совсем гимназию.

Алексей был офицером Сальянского полка и сейчас же после смерти отца женился на хорошенькой гимназистке. Он не дал ей даже кончить гимназию. Хотя и она сама не настаивала на этом. Идиллия их любви продолжалась недолго. Скоро пошли ссоры и какие-то счета, которые, однако, не помешали им иметь четырех дочерей: Надю, Таню, Мару и Ольгу. Я очень любила этих девочек; да и муж мой – тоже.

Я познакомилась с моим (будущим) мужем, когда мне не было еще полных пятнадцати лет. Два с половиной года ждал молодой студент, чтобы его невеста выросла. Он был студентом медицинского факультета Казанского университета. Мы поженились и сейчас же поехали в Баку, чтобы познакомить меня с семьей мужа.

Наконец желанная вакансия освободилась. Мы переехали в родной город мужа, устроились в собственном доме – заняли большую квартиру, нашли хорошую кухарку, горничную. И кроме них, еще был у нас денщик мужа да прачка Аннушка.

– Ну, теперь устроились на всю жизнь! Никуда я из Баку не поеду! – говорил муж, прохаживаясь по комнатам. – Посмотри, как все красиво и уютно! – И правда, у нас все было очень хорошо: чудная мебель, великолепные персидские ковры; комнаты светлые, высокие – такие строят только у нас на Кавказе.

Весна. Тринадцатый год. Сальянский полк ушел на маневры, а с ними и мой муж, и Алексей. Мы с Ниной и детьми поехали в Пятигорск; у нас там была дача. Осенью, когда мы вернулись в Баку, узнали, что один батальон Сальянского полка посылают в Персию, а с ним едет и мой муж. Только к весне четырнадцатого года муж вернулся домой, но ненадолго.

Около Баку появилась чума, и туда послали солдат для карантина. Всю подозрительную по чуме местность окружили солдатами. И с этим батальоном опять послали моего мужа.

Сидел он в этой голой и пыльной степи больше трех недель, но ни одного чумного не было. И несмотря на это, никто не мог ни войти в этот заколдованный круг, ни выйти из него. Я с моим мужем разговаривала каждый день по телефону. Только один раз мне удалось поехать на лодке, которая везла продукты для солдат и офицеров. Из полковой канцелярии заранее дали знать об этой поездке всем дамам, мужья которых находились на карантине. Я приехала на набережную и там увидела несколько полковых дам. Одна из них – Мончинская – была с маленьким сыном Мишей.

Мы все сели в лодку и поехали. Лодка была большая и нагруженная мешками, ящиками и овощами. Легкая зыбь на море скоро всех нас сделала больными, кроме трехлетнего Миши. Он все время приставал к матери, которая лежала на скамейке и которую тошнило:

– Мама! А что папа делает с чумой? А она большая? А она страшная? А мы можем ее повезти домой? – бесконечно задавал он вопросы, заглядывая в лицо матери.

Наконец лодка подошла близко к берегу, но не пристала. Солдаты, засучив штаны выше колен, подошли к лодке и стали выгружать привезенные продукты. Сейчас же на берегу кто-то закричал:

– Лодка пришла! Лодка пришла!

Из палатки, которая стояла недалеко от берега, вышли офицеры, а с ними и мой муж. Все бросились к берегу. Некоторые даже вошли в воду, но к лодке не подходили близко (точно сами они были зачумленные). Ваня мой тоже вошел в воду.

– Что, Тинушка, укачало? Я знаю, что ты не выносишь морской воды. Поцеловал бы я тебя, да вода мешает!

– Родной Ванечка, скоро ли ты вернешься домой?

– Да, – ужасно надоело сидеть здесь без дела на положении отверженных.

А мужья кричали с берега своим женам: «Валичка, Соня, да подними хоть голову – покажись!»

Маленький Миша тоже кричал с лодки своему отцу:

– А она... А она большая?

– Скорее бы домой обратно. Я тоже так плохо чувствую себя. Я лучше с тобой по телефону поговорю!

Наконец лодку выгрузили, и мы поехали обратно. Вышли на набережную; все больные, зеленые.

Наконец карантин сняли! Муж вернулся домой. А через две недели получил новое предписание, – немедленно выехать в Шемаху¹ и принять местный госпиталь, в котором старший врач только что застрелился.

Опять укладываю для мужа чемоданы:

– Послушай, Ваня! Да что же это такое? Ведь ты совсем не живешь дома. Я не могу так жить. За эти годы, как мы женаты, мы и половины не жили вместе. Ты все время в разъездах! Уходи в отставку! Слава богу, не нуждаемся в твоём жаловании!

– Хорошо. Но уходить так сразу нельзя! Мне самому надоело мотаться повсюду. Мне жалко, что я забросил работу в детской лечебнице. Вот подожди! Как только вернусь из этой командировки, сейчас же подам в отставку...

Опять осталась одна.

Сегодня получила письмо от мужа: «Приезжай сюда, я, может быть, задержусь здесь надолго. Возьми Гайдамакина. От станции до города тебе придется ехать на фаэтоне десять верст. Это не очень-то безопасно, особенно одной женщине».

Я позвала Гайдамакина и сказала ему, что он поедет со мной в Шемаху к барину. Затем я быстро уложилась, и мы поехали.

¹ Шемаха (Шемахы) – город в 122 км к западу от Баку.

Шемаха – маленький уездный городишко. Население полутатарское, полуармянское. Там стояла какая-то воинская часть; был там и гарнизонный госпиталь. Был там и начальник гарнизона – когда-то блестящий офицер, служивший в Варшаве, но за какие-то дела переведенный в эту глушь.

Муж жил в маленьком флигеле, принадлежавшем госпиталю. Флигель этот стоял на пустыре около проезжей дороги и госпитального сада, но сам не был ничем огорожен. Мимо флигеля дорога шла к станции. Было в домике четыре комнаты почти без мебели, но светлые и приветливые. Три из них были жилые, а четвертая служила госпитальной лабораторией. Вход в нее был отдельный с улицы.

– Я не хотел селиться в бывшей квартире старшего врача. Она большая, мрачная, хотя там и есть все удобства.

Муж рассказал, кто из местных жителей был интересен и с кем нужно познакомиться.

– Самая интересная семья – это начальника гарнизона. Я с ним встречаюсь довольно часто. Был и у них в доме; познакомился с его женой. Тоже очень милая. Я уверен, она понравится и тебе. У них есть сынишка – Саша. Оба влюблены в него страшно...

Дни шли. Мы с Гайдамакиным, когда муж утром уходил в госпиталь, стали наводить красоту и чистоту в комнатах. В домике давно никто не жил. Кухня была отдельно от дома и стояла прямо посреди пустыря, заросшего ежевикой, но к ней шла кирпичная дорожка и был проведен звонок.

Скоро нас пригласили на ужин к начальнику гарнизона. Как-то неудобно было идти на ужин в семью, где никого не знаешь. Визита я сделать не успела. Целый день занята: то переставляю кое-какую мебель из комнаты в комнату; то собираю ежевику, которую, кстати, никак не могу сама достать. Обычно Гайдамакин брал кочергу и подтягивал мне ветки, а я рвала ягоды.

– Пойдем, пойдем! Полковник очень просил. Неудобно тянуть дальше и отказываться.

– Почему ты, Ваня, не отказался от ужина? В воскресенье мы бы к ним пошли с визитом. А то идем прямо на ужин!

– Ну, теперь поздно уже отказываться. Да, я ведь и отказывался. Но полковник и слышать не хотел. Он сказал: мы будем считать, что вы уже у нас были с визитом.

Дом начальника гарнизона был недалеко от нас – только пройти пустырь. Это был великолепный казенный дом! При нем большой сад с фруктовыми деревьями и массой цветов. Когда мы пришли и познакомились, то хозяйка повела меня показать сад, цветы и розы. Я всем любовалась и восхищалась, особенно после Баку, где каждая розочка привозилась для продажи издалека.

– Но это все пустяки в сравнении с тем, что вы увидите дальше, – сказала хозяйка. – Пойдемте! Я вам покажу моего сына Сашу!.. Он лучше всех цветов!..

Позднее она рассказала мне (в первый же вечер), что она немка и что с мужем своим познакомилась в поезде, когда он ехал в Шемаху.

– Он был так красив!.. От него шли лучи любви!.. Он только что дрался на дуэли из-за чужой жены... И был сослан в Шемаху. А какое мне дело, что он много любил? Теперь он любит только меня и Сашу. Мы с ним вышли на какой-то станции и повенчались!.. И приехали сюда мужем и женой. Я все время чувствую себя счастливой. А у него – да я вам покажу – целый альбом карточек девушек и женщин, которых он любил до меня. Я здесь с ним спокойна! Тут нет красивых женщин. Я и сама ведь еще очень красива!

Правда, она была очень красива. Блондинка; с пышными волосами; большие голубые глаза; маленький рот с красными чувственными губами; тонкий красивый нос и нежный овал лица.

Мы вернулись в дом, и она показала мне детскую. Саша был уже в постели, но еще не спал. Мы с ним познакомились. Оба – и муж и жена – были очень красивы. Но мальчик был

прямо красавец! Потом она повела меня на кухню и показала посуду и плиту, на которой готовили только для Саши.

– У вас мне все нравится, – сказала я. – Уютно! Чувствуется, что этот уют создавался годами...

– Нет, мы здесь живем только четыре года. Правда, до нас здесь жила семья прежнего начальника гарнизона.

Когда мы вошли в гостиную, там был еще новый гость. Нас познакомили. Это был заведующий канцелярией начальника гарнизона. Ужин был простой, но вина были разнообразные, и мужчины наливали себе, не пропуская ни одной бутылки. И ужин затянулся до двух часов ночи. Когда я стала звать мужа домой, то хозяева уговаривали нас посидеть еще.

– Что вы, Тина Дмитриевна, беспокоитесь? Ведь это нам – мужьям – завтра надо рано вставать! А вам ведь можно спать сколько угодно! – говорил полковник.

Наконец, около двух часов ночи, мы попрощались и ушли. Пошел с нами и чиновник. Но он скоро попрощался и пошел к городу.

Когда мы остались одни, муж спросил меня:

– Ну, как тебе понравились новые знакомые? Правда, оба симпатичные? А мальчик понравился?..

– Да, да! Вся семья понравилась. Она просила меня заходить к ним почаще...

Мы пришли домой и сейчас же легли спать. Я так быстро заснула, что не помню, сколько минут или часов я спала, когда услышала стук в дверь. Я открыла глаза. Было уже светло.

– Кто там? – спросила я.

Вот опять постучали, и голос Гайдамакина:

– Телеграмма! Спешная!

Муж проснулся тоже и сказал:

– Войди, Гайдамакин.

Он вошел и подал телеграмму. Я собралась опять заснуть. Вдруг слышу голос мужа:

– Что это?! Война?!

Я быстро откинула одеяло и села на кровати. Муж сидел на своей кровати и молчал.

– Что ты сказал?! Прочти еще!..

Он прочел:

– «Германия объявила войну России!!»

* * *

Было три часа утра, и было уже совершенно светло, когда муж получил эту роковую и страшную телеграмму! Мы оба были подавлены этим известием. У меня внутри была мелкая, холодная дрожь. Зубы стучали, хотя челюсти были сжаты до боли.

Муж заговорил первый:

– Успокойся, пожалуйста! Мне, как врачу, не грозит личная опасность на войне. Разлука, конечно, может быть долгая! Ну, да будем писать друг другу часто... Ты любишь помогать людям! Теперь, во время войны, в этом надобность будет огромная! Сколько останется вдов! Сколько сирот! Бесприютных! Без всяких средств к жизни! Вот и работа для тебя: кормить их; помогать пережить минуты отчаяния и безнадежности; помочь устроить и начать новую жизнь! Я оставляю тебе Гайдамакина. Он в доме свой человек – предан нам, любит нас.

Он крикнул:

– Гайдамакин, иди сюда!

Тот вошел.

– Ты знаешь, что Германия объявила войну России? Война, значит! – повторил муж.

– Так точно, – тихо произнес солдат. – Ну что ж! Будем воевать! А теперь хорошо бы выпить горячего чаю!

Гайдамакин вышел. Муж говорит:

– Я спать не могу. А ты спи. Сейчас ведь только четвертый час.

Но спать не могла и я... Солнышко уже осветило комнату, и как-то легче стало на душе.

Гайдамакин постучал в дверь: чай подан. Я надела халатик и пошла за мужем в столовую. За столом мы говорили о том, как я останусь одна, что буду делать...

– А что если я пойду на курсы сестер милосердия? – сказала я.

– Пожалуйста, не делай этого! Это занятие не для тебя. Это очень тяжелая работа. Для нее нужны крепкие нервы. Возиться с кровью и с кусками человеческого мяса – страшное дело! А там неизбежно появится и тиф! Будет косить всех: и врачей, и сестер, и санитаров! Нет! Пожалуйста, сиди дома. Я буду много спокойнее, если буду знать, что тебе ничего не угрожает. Оставь в доме всю прислугу. А я тебе оставлю еще и Гайдамакина. Гайдамакин! – Когда он вошел, муж сказал ему: – Ты со мной на фронт не поедешь! Я поручаю тебе барыню. Смотри за ней, слушайся ее так же, как меня!

В это время пришел вестовой и принес записку: «Доктору Семину немедленно прибыть на приемный пункт для освидетельствования прибывающих запасных».

Муж ушел и вернулся только в 9 часов вечера, страшно уставший и расстроенный. В Шемахе население татарско-армянское². У армян вся семья живет только трудом мужа. Женщины очень мало способны вести самостоятельно дом и хозяйство. Поэтому когда потребовали их мужей, отцов и братьев на приемный пункт и сказали, что это война, то поднялся такой плач и вой женщин и детей, что прямо жутко стало. Гул этого плача стоял во всем городе день и ночь.

А партии призывных на войну запасных с утра уже шли мимо нашего домика на станцию для отправки в полки... Я не могла оторваться от окна и смотрела на людей в разной одежде, совсем не похожих на солдат, шедших непрерывной лентой к вокзалу. Иные пели, другие громко разговаривали... Многие утирали глаза и сморкались – плакали... Женщины шли рядом с ними, держась обеими руками за руку мужа, отца или брата. Многие дальше моего домика не шли, а как подкошенные падали на пыльную дорогу и выли, и причитали так жалобно, что не было сил слышать этот плач.

У меня слезы катились из глаз. Сердце больно сжималось. Я не находила себе места, не знала, что делать!.. Чувствовала только, что пришло что-то страшное и непоправимое; что нет никакой возможности остановить это страшное... Когда муж пришел домой и рассказал ужасные картины, которые он видел весь день на приемном пункте, еще страшнее стало... А плач на улицах и на дорогах к станции и с наступлением ночи не прекратился и не уменьшился...

Все следующие дни муж уходил на приемный пункт на весь день! Возвращался поздно, усталый и расстроенный. И я не находила себе ни дела, ни места! Целый день бродила по комнатам. Часами стояла у окна и смотрела на «дорогу слез», по которой, как и в первый день, тянулась бесконечная лента «уходящих» и провожающих... Так же женщины держались за своих мужей, братьев и отцов... Так же с плачем и стоном они падали на дорогу и долго и жалобно плакали.

Сегодня муж вернулся не один. Привел гостя – молодого драгунского офицера, который приехал сюда для покупки лошадей (его отец служит в Кабардинском полку). За ужином молодой корнет все время беспокоился, что может задержаться с приемом лошадей и не попасть на фронт ко времени боев...

² Здесь имеются в виду так называемые кавказские татары – азербайджанцы (в XIX веке этноним «азербайджанцы» еще не сложился).

– Война ведь не может продлиться больше двух-трех месяцев! А я непременно хочу повоевать с моим полком и показать немцам, что такое драгуны! (Бедный мальчик! Под Варшавой в первых же боях был убит, но желание его исполнилось: русская кавалерия нагнала на немцев страху порядочно и задержала немецкий напор первого наступления на Варшаву).

Утром следующего дня муж получил срочную телеграмму: немедленно прибыть к месту нового назначения по мобилизации. Он назначался старшим врачом отдельного санитарного транспорта и должен был немедленно ехать в Тифлис. Муж пошел на приемный пункт, чтобы сказать, что он должен ехать к месту нового назначения. А нам с Гайдакиным сказал, чтобы мы укладывались. Однако он вернулся с приемного пункта только вечером и сказал, что весь день осматривал запасных.

Рано утром на следующий день мы выехали на станцию железной дороги. Когда подъехали к ней, то просто узнать не могли всегда тихую, безлюдную маленькую платформу. Она была полна народу – исключительно мужчинами. Мне показалось, что их тысячи; с узлами, корзинками, чемоданами; многие в грязной одежде прямо с работы, не успевшие даже переменить одежды. Теперь все ждут поезда. Скоро он пришел. Это был не поезд, а сплошная людская масса, наполнившая вагоны и даже облепившая их снаружи. Не было никакой возможности, казалось, не только попасть в вагон, но даже добраться до него... Но почти без всяких усилий с моей стороны человеческая волна сама продвинула меня и прижала к самым дверям вагона. «Ну, дальше-то мне уже ни за что не пробраться!» – подумала я. На подножках вагонов на каждой ступеньке сидело по несколько человек, держась за поручни; двери в вагон были открыты, и на площадках люди стояли так густо и тесно, что и думать нельзя, чтобы хоть одному еще человеку пробраться внутрь вагона. Все вагоны первого, второго и третьего класса одинаково были набиты людской массой.

Как только поезд остановился, муж подтолкнул меня к ступенькам, крепко держа за руку. Моментально сидевшие на ступеньках соскочили на платформу и стали помогать втискивать меня в вагон.

– Эй, ребята! Помогите! Дайте дорогу доктору, нужный нам человек, скоро перевязывать наши дырочки будет! – кричал кто-то позади меня. И не успела я опомниться и попрощаться с мужем, как я уже была в вагоне, и поезд тронулся...

Я не знала, что мне делать? Вперед ли пробираться или спрыгнуть назад на платформу? Но там, где минуту тому назад было свободное место, оно уже закрылось плотной человеческой массой, и не было никакой возможности не только пройти куда-нибудь, но и руку просунуть. Какой-то молодой человек стал меня подталкивать вперед в вагон:

– Земляки, посторонитесь! Пропустите даму! – Он и усадил меня в первое же купе. В нем было полно народу, но нашлось место и для меня. И только тогда я заметила, что поезд уже идет полным ходом.

Муж остался на станции и будет ждать поезда, который пойдет в Тифлис. А я и не попрощалась с ним почти! И это меня мучило ужасно. Ведь война! Может быть, навеки расстались! А я и не взглянула на него в последний раз, так быстро чьи-то руки втолкнули меня в вагон. Но тут я стала припоминать, и мне кажется, что это были руки Вани. Стало легче на сердце.

Только теперь я хорошо разглядела, сколько тут сидело публики. Все разговаривали друг с другом. Рядом со мной какой-то молодой человек рассказывал своему соседу:

– Понимаете?! Жена у меня осталась с двумя ребятами! А денег у них ни копейки...

Слушатель успокаивал его:

– Не волнуйтесь! Сейчас же воинский начальник будет выдавать ей ваше жалованье. Это ведь закон такой: если муж или отец уходит на войну, то всегда семья получает его жалованье. Вы не беспокойтесь: голодными ваши дети не останутся...

Сидевший напротив меня на другом диване весело рассказывал:

– Влетает, это, в мастерскую заведующий: «Ребята, война! Кто первоочередники – все на сборный пункт!...» Мы прямо обалдели. Побросали работу и гурьбой пошли в город на пункт. Ни одной капли вина не выпили! – торжественно заявил рассказчик своему слушателю. – Забежал домой, попрощался с матерью и был готов! Я не женат! Сборы мои коротки! Другое дело, кто имеет семью, плохо тому теперь! Слез этих не оберешься! А помочь ничем не можешь! Посмотрите вон на того, – рассказчик показал головой на противоположную сторону, – я видел его, когда он утром садился на какой-то станции в наш вагон. Жена провожала его; похоже, что и мать... Так жена-то схватила его за руку и не дает ступить на подножку вагона. Кричит: «Родной мой! Не оставляй меня с малыми детьми!» Едва старуха ее оттащила! Да и поезд ходу прибавил... Вон, видите, сидит; свет ему, поди, не мил. Все, видно, думает о семье... А что? Думай не думай, а все равно повезут на фронт...

– Да что вы! Война теперь кончится в два-три месяца, – говорил кто-то в коридоре. – Техника теперь большая! Пушки стреляют на двадцать пять верст! И что такое Германия?! Русские войска видали и не таких, как немец! Дрались и с туркой, и с япошкой...

– Так япошка-то наклац нашим ведь! – сказал мой сосед, вмешиваясь в общий разговор...

Поезд вдруг стал сильно тормозить. Показалась какая-то станция; но поезд не остановился, а опять прибавил ходу и проскочил мимо. На платформе станции стояла большая толпа с узлами, с корзинками в руках.

С нашего поезда им кричали:

– Нету местов. Подождите другого поезда!

А другие кричали:

– До скорого свидания, земляки!

Когда я вышла из вагона на бакинском вокзале, Гайдамакин сейчас же подошел ко мне:

– Я ехал в этом же поезде, только в другом вагоне. Барин помогли мне вскочить на подножку.

Я вышла с вокзала на улицу, взяла фаэтон и поехала домой. Гайдамакин остался получать багаж. Как странно! На улицах полно народу – точно праздник.

Как только фаэтон подъехал к подъезду, Тимофей, старший дворник, увидав меня, бросился к парадной двери моей квартиры, позвонил и подбежал ко мне:

– С приездом, барыня! Вот какие дела-то! Война! Что народу-то угнали на фронт – страсть! – говорит Тимофей, беря мои вещи. Дверь открылась и Маша, горничная, с испугом смотрит на меня:

– Барыня приехала! – чуть слышно произнесла она.

Только я вошла в подъезд, кухарка Авдотья кубарем скатилась с лестницы:

– Барыня! Барыня, а у нас война!! Пойди, барина-то уже забрали? – со слезами в голосе говорит она.

– Не видишь разве – одна барыня-то вернулась. Видать, всех мужчин забрали: и барина, и Гайдамакина, – тихо говорит Авдотья дворнику.

– А мы, барыня, не знали, что нам делать? Война, а вас нету! – сказала Маша, идя за мной.

Как странно я себя чувствую! Точно вернулась с кладбища после похорон дорогого и близкого человека!.. Слишком большой и неуютной показалась мне квартира, которая недавно еще казалась такой нарядной и уютной. Вот и кабинет Вани. Все на своих местах, но что-то не так... Тоска и боль сжимают сердце. Сейчас же пришли Нина и Яша. Нина стала рассказывать новости: Сальянский полк ушел на Западный фронт; весь город провожал полк; плакали все ужасно; было трогательно и грустно!

– А я только что получил телеграмму от Вани и собирался ехать на вокзал встречать тебя. Да дворник прибежал и сказал, что ты уже приехала! – сказал Яша, как бы оправдываясь, что не встретил меня на вокзале.

– Приходи ко мне обедать. Дети не дождутся, когда ты придешь, – сказала Нина.

Когда я пришла к ней, дети облепили меня и все говорили только о войне.

– Дети, пора вам идти спать! – сказала Нина. Няня их увела, но предварительно каждая из них попросила меня перекрестить их по несколько раз и поцеловать.

Когда мы с Ниной остались одни, она сказала:

– Я как-то все еще не могу поверить, что Алексея нет и что я на положении соломенной вдовы!

– Тебе тяжело переживать разлуку с ним?

– Послушай! Ведь вы все отлично знали, как мы жили! Папа тоже стал было утешать меня, но сразу понял, что это ни к чему! Я не хочу его смерти! Но также – не хочу и его скорого возвращения... Хотя все говорят, что война скоро кончится...

Как-то утром, когда я встала и взяла утреннюю газету, то первое, что я в ней увидела, – это то, что при городских больницах открываются курсы сестер милосердия. Записываться можно в Коммерческом училище, на Биржевой улице. «Сейчас же пойду туда!» – решила я. Это от нашего дома всего три квартала, и по нашей же улице. Только я собралась уходить, пришел Гайдамакин.

– Барыня, я пойду на вокзал; вчера не могли найти ваш багаж. – Видя, что я собралась выходить, он добавляет: – Наперед я сбегаю, пригоню для вас фаэтон.

– Не нужно. Я пешком пойду.

– Так я пойду с вами...

– Нет, здесь близко, я одна пойду.

– Так барин приказали мне оберегать вас?!..

Коммерческое училище – великолепное новое здание, выстроенное всего несколько лет тому назад и занимающее целый огромный квартал. Один фасад выходит на нашу Биржевую улицу, а другой – к морю! В большой, светлой комнате – канцелярии – сидел врач в военной форме и записывал желающих слушать курсы. Когда я назвала свою фамилию, он поднял голову и посмотрел на меня.

– Вы жена доктора Семина?

– Да!

– Как же, я знаю его – наш бакинец! Хорошо! Мы вас зачислим слушательницей первых курсов. Только ведь тяжелая эта работа! Справитесь ли вы, барынька? Да там видно будет! Вот вам расписание лекций. А здесь, в этом здании, мы открываем военно-хирургический госпиталь. Как только все будет готово к приему раненых, лекции будем читать здесь. Мы можем принять в этот госпиталь до тысячи раненых солдат и офицеров.

Он дал мне печатное расписание лекций, и я ушла.

Первая лекция была по уходу за больными. И все мне показалось очень торжественно и как-то жутко. Об уходе за больными читал доктор Газабеков. Курсантки в первый же день узнали, что он чахоточный, придирчивый и строгий. Во вступительном слове он сказал, что самое главное для сестры милосердия – хорошо знать уход за больными.

– Вы все должны знать мой предмет очень хорошо. На экзаменах я буду спрашивать вас, насколько вы усвоили мои слова и действительно ли поняли их.

После лекции будущие сестры со страхом спрашивали друг друга:

– Правда, какой страшный? – сказала хорошенькая армяночка Мариям.

– Вы слышали, он сказал, что мы должны приносить еду для больного на подносе и на чистой салфетке, чтобы вызвать у больного аппетит? – сказала другая девушка.

– Да что мы, горничные, что ли? – возмутилась бойкая Машукова.

Следующая лекция была по анатомии. Ее читал доктор Захарьян, который с первого же дня сделался любимцем всего курса.

Неделя промелькнула совершенно незаметно. «Курсантки» уже считали себя опытными сестрами. После лекции все собирались в дежурке и проверяли, и обсуждали усвоенные знания друг друга.

Как-то я пришла домой и нашла письмо от Вани. «Тиночка, приезжай сюда. Пока я здесь, мы будем вместе. Я очень скучаю по тебе. Не знаю, сколько еще пробуду в Тифлисе, так как тот транспорт, в который я был назначен по мобилизации, уже сформирован другим врачом, который и ведет его на Западный фронт. А мне дали его транспорт для формирования. Но в первый же день моего знакомства с обстановкой, в которой приходится формировать транспорты (кроме моего, еще три: 84, 85, 86 – это номер моего транспорта, и 87), я узнал, что для них ничего еще нет! Только ходят толпы каких-то оборванцев, которых называют солдатами для команд (конюхи и санитары). А больше ничего нет! В санитарном управлении обещают дать для формирования лошадей и хозяйственные двуколки. Я же должен сам набрать для себя из этого сброда команду. Все это займет у меня много времени! И мы можем жить пока вместе; мне очень скучно без тебя...»

Родной мой, мне без тебя тоже очень скучно. Но как же быть теперь с курсами? Ведь я записалась и хожу уже на лекции! Боюсь и писать Ване об этом! Пойду к доктору Захарьяну, посоветуюсь с ним. После лекции подошла к нему и все рассказала.

– Доктор, муж мой все еще в Тифлисе. Он хочет, чтобы я приехала к нему. Он сам не знает, сколько времени пробудет там, и хочет быть со мной. Как мне быть с курсами? Посоветуйте, пожалуйста!

– Самое главное, милая барыня, это муж! Остальное все – только приложение! Поэтому собирайтесь и с вечерним поездом езжайте прямо к мужу! А насчет курсов не беспокойтесь! Их вы и в Тифлисе можете слушать, если захотите. И если будет у вас на это довольно времени...

– Спасибо, доктор, за такие хорошие слова. Я иду домой и сегодня же еду в Тифлис!

– Билет будете покупать? – спросил носильщик, беря мои вещи.

– Да, я послала солдата, думаю, получит билет?

– Получит, раз стоит в очереди, а какой класс?

– Первый!

– Слушаюсь; но этот поезд без плацкарт.

– Да, я знаю. – Я пошла к кассе посмотреть, что там делается и где мой Гайдамакин. Но, боже мой, что я увидела там! Сотни людей стояли у каждой кассы в две линии. В одной линии стояли штатские: мужчины, дамы, носильщики. А в другой – военные: офицеры, солдаты и тоже носильщики, но с удостоверениями в руках. Гайдамакин стоял третьим от кассы. Я подошла к нему.

– Ну, как дела? Получишь билет?

– Не беспокойтесь, барыня, билет будет.

– А у тебя билет есть?

– Нету еще, но я получу! Ведь солдатам тоже без очереди выдают.

Но для этого ему нужно было идти в другой зал и становиться в другую очередь – солдатскую.

– Гайдамакин, я пришлю своего носильщика, ты отдай ему деньги и свою очередь, а сам иди добывай себе билет. Иначе ты не попадешь на поезд.

– Да ведь у меня, барыня, сто рублей ваших денег! А как же я-то дам все сто рублей этому-то носильщику?!

– О, ты не беспокойся о них. Я знаю носильщика – деньги не пропадут...

Нелегко было разыскать в этой снующей толпе моего носильщика. Я пошла к швейцару, стоящему у дверей входа на подъезд.

– Пожалуйста, мне нужно найти моего носильщика номер семь!

– Слушаюсь!

И швейцар прокричал всего три раза: «Номер семь, номер семь, номер семь!» И носильщик № 7 подошел к швейцару и, увидев меня, сразу догадался, что это я его вызываю. Я его повела к кассе и указала моего солдата.

Через час поезд пришел. Место для меня на нижнем диване уже было занято, и вещи были на месте. В купе сидели трое: дама и два офицера. Дама была мать одного из офицеров. Я позвонила. Пришел проводник вагона, которого я попросила сделать для меня постель. Он принес чистые простыни и подушку; офицеров попросил пересесть на другой диван напротив. Но они оба вышли из купе, чтобы, я думаю, дать мне возможность лечь в постель. Дама спросила меня, куда я еду.

– В Тифлис, к мужу, – ответила я, – он скоро уезжает на фронт.

Мне было приятно говорить, что мой муж тоже на войне, как и другие.

– На какой фронт едет ваш муж? – спросила дама.

– На Кавказский.

– Мой сын тоже на Кавказском фронте. Вон мой сын, который повыше, – она указала на одного из вышедших из купе офицеров.

Было уже двенадцать часов ночи. Я укрылась и скоро заснула. Весь следующий день в вагоне только и рассказывали о войне, о героях, которые уже успели отличиться и получить Георгиевские кресты. А вечером муж уже встретил меня на вокзале, и мы поехали на его квартиру на Михайловской улице.

Весь вечер муж рассказывал свои огорчения и о том, что формировать транспорт невероятно трудно!

– Ничего нет: ни настоящих людей, ни лошадей, ни обоза... Что хочешь, то и делай. Приходится ходить каждый день в санитарное управление и приставать, и выпрашивать каждую вещь. Хорошо еще, что пока нет войны с Турцией – по крайней мере, официально... А то ведь не на чем было бы перевозить раненых! На днях встретил на Головинском проспекте кабардинца³, капитана Строева. Говорил, что полк стоит еще в своих казармах, но все готово к выступлению в каждую минуту. Семьи кабардинцев, как только будет объявлена война с Турцией, выедут из Карса в Тифлис. А имущество, как полковое, так и офицерское, перевезут в крепостной склад.

Впоследствии все богатство, полковое и офицерское, досталось туркам, так как большевики Карс отдали им. Сотни пудов полкового серебра, персидские ковры, картины, не говоря уже об офицерском имуществе, – все попало в руки турок. Многие офицерские семьи уехали в Тифлис только с чемоданами, оставив все, что имели, в складах полка. Да и не одно только имущество Кабардинского полка там было сложено, а и всего гарнизона Карсской крепости.

На другой день, когда муж уехал в Навтлуг, где формировался его транспорт, я сейчас же пошла в общину Красного Креста, узнать, могу ли я слушать лекции для сестер милосердия.

– Курсы у нас уже начались, но, если вы хотите слушать для того, чтобы у вас не пропало даром время, приходите, – сказали мне в канцелярии.

Все сложилось очень удобно – муж уезжал с утра и возвращался только вечером. А я могла весь день проводить на лекциях. Бедный мой Ваня каждый день возвращался расстроенный.

– Я никогда не думал, что в окружном медицинском управлении – такой кабак! Что ни спросишь – нет, нету. Вот уже сколько недель мы здесь околачиваемся и до сих пор ничего не можем добиться. Только из этой подозрительной банды я должен набрать себе команду. Вид у всех, точно у бежавших с каторги. А главное – нет инвентаря. Но сегодня в управлении сказали, что скоро нас отсюда пошлют в Карс. Очевидно, надоели, хотят, чтобы с глаз долой убрать!

³ То есть офицера 80-го пехотного Кабардинского полка.

Вот уже две недели прошло, как я приехала сюда. День разлуки приближается. Сегодня муж вернулся и сказал, что дня через два транспорт будет готов к выступлению, хотя у него нет ни санитарных двуколок, ни полного комплекта лошадей. Ни даже младшего врача – помощника ему. Но в канцелярии управления сказали: можете грузиться и выступать в Карс, а недостающее имущество мы вам вышлем позже...

– Просто хотят избавиться от надоедания и бесконечных просьб! – сказал муж. – Мы, все четверо старших врача, кажется, больше всех надоедаем там в канцелярии. Едва людей набрали, да и то очень подозрительных. Вчера пришел бойкий такой человек; просится на должность заведующего хозяйственной частью. Показал свидетельство, что он имеет на эту должность законное право. Я взял его. Но он очень подозрительный тип! Не нравится он мне, но ничего не поделаешь. Пришлось взять. А сегодня еще хуже того! Он привел и помощника себе! Этот уже совсем с разбойничьей рожей! Да вдобавок еще оказался его родной брат. По закону я не имею права брать двух братьев на такие должности. Но черт с ними! Они оба так просили – даже плакали, – что я согласился! Других людей у меня все равно нет!..

Вот эти-то два брата-жулика (муж правильно определил их по первому же взгляду!) и погубили моего мужа – доброго, но бесхарактерного. Они за самый короткий срок совершенно споили его, добывая для него ящиками запрещенные на фронте напитки, спаивали его и грабили все, что только попадалось им под руки. Фабриковали фальшивые счета, которые подавали мужу для подписи, когда он бывал невменяем. Они так изучили его и так научились пользоваться слабыми сторонами его характера, что в конце концов он поверил в их преданность делу и ему лично, что и в трезвом виде он не проверял счетов, веря в безусловную честность их автора...

– А ты, Тиночка моя любимая, поезжай домой! Пиши мне чаще и не забывай меня. Это все, о чем я прошу тебя. У тебя есть все: дом, деньги, прислуга. Это мне дает большое душевное спокойствие. Если же хочешь работать, то помогай бедным! Их ты найдешь в городе сколько угодно!

Не решилась я сказать ему, что приеду к нему скоро, как только кончу курсы.

Сегодня с утра мы оба и Гайдамакин с вещами поехали на станцию Навтлуг. Там я в первый раз увидела транспорт мужа. Увидела и длинный состав товарного поезда, который стоял уже готовый для погрузки его. Отсюда же отходили и бесконечные воинские поезда, которые увозили на фронт тысячи молодых, сильных мужчин, полных желания жить и имеющих права на эту жизнь... Многие из них не вернулись домой! Или вернулись без рук, без ног, изможденные ранами и болезнями, почти старики...

В составе поезда мужа, среди товарных вагонов, был один вагон третьего класса. Мы вошли в него. Муж со всеми бывшими там поздоровался. Были там и оба брата-жулика! На плечах у них красовались новенькие погоны чиновников. С ними муж не познакомил меня! Мы заняли скамейку для него и вышли из вагона.

– Пойдем смотреть, как грузят лошадей, – сказал он.

Мы подошли к вагону, в который по крутым деревянным сходням солдаты заводили лошадь; один тянул за повод, а трое толкали ее сзади. Лошадь упиралась всеми четырьмя ногами, ни за что не хотела идти по скользким доскам в полутемный вагон!

– Надо завязать ей глаза! Так пойдет лучше, – сказал солдат, который тянул ее за повод. Кто-то накинул ей на голову шинель, и дело пошло гораздо спорнее. Погрузка лошадей и всякого хозяйства транспорта заняла весь день, и только к вечеру было все закончено. Погрузкой распоряжался подпрапорщик из запаса. Очень милым показался он мне с первого взгляда и таким и остался всю войну. Мы подошли близко, и муж поздоровался с подпрапорщиком.

– Ну, как погрузка?

– Да все благополучно! Только очень медленно, раньше вечера не кончим.

– Я вам не нужен? – спросил муж.

– Нет, мы управимся сами.

Мы уехали обратно в город, пообедали и вернулись незадолго до отхода поезда. На дворе было сыро и туманно. Быстро стало темнеть. Поезд Вани не был освещен.

Наконец пришли сказать, что все готово к отходу. Мы только успели выйти из вагона, как уже раздался свисток кондуктора... Паровоз ответил свистком и рванул застучавшие друг о друга вагоны...

Ваня что-то говорил из двери неосвещенного вагона, но я уже не видела его.

А через несколько минут от всего остался только дальний шум ушедшего поезда...

Глава 2

Опять дома. Как грустно возвращаться домой, зная, что дорогой мне человек едет теперь все дальше и дальше от меня... Не отдыхая, переоделась с дороги и сейчас же пошла на курсы. Там меня радостно встретили подруги по курсу. Они рассказывали мне, перебивая друг друга, все курсовые новости и делились научными знаниями.

– А этот, Семочка, доктор Газабеков, прежде чем сказать хоть одно слово, смотрит на нас «злым» взглядом; мы думаем, что он считает, все ли мы пришли на его лекцию, и тогда только «проскрипит». Он сразу заметил, что вас не было на лекции.

– Спросил?

– Конечно, спросил!

– Ну, и что же?

– Мы сказали, что вы уехали к мужу в Тифлис. И ни одного раза больше не спрашивал про вас.

Только я спустилась по лестнице в нижний этаж, как сразу увидела доктора Газабекова. Он шел опустив голову, суровый и неприветливый. Но увидел меня и сказал:

– А! Вы вернулись опять? – И, не отвечая, на мое приветствие, «проскрипел»: – А мы курс уже заканчиваем! За вами нет ни одной практической работы. Я думаю, что вам лучше подождать открытия следующих курсов, чем уходить разочарованной с экзаменов... Ведь я буду беспощадно спрашивать все. Знайте это! И не надейтесь ни на какую протекцию. Я хочу выпустить сестер, знающих свое дело. Я, как директор курсов, отвечаю за это.

И, не сказав ни одного слова больше, пошел дальше...

У меня красные круги пошли перед глазами. Я догнала его:

– Доктор! Я ездила к мужу! Но я хочу работать серьезно и кончить со знаниями! У меня нет никакой протекции здесь!

Я готова была заплакать, так мне было обидно и тяжело.

– К мужу ездили? Да? А где он теперь? – быстро спросил он.

– Уехал на фронт! Старшим врачом санитарного транспорта. И мне необходимо продолжать мое учение, потому что я хочу поехать тоже на фронт к мужу.

В это время к нам подошел доктор Захарьян.

– А! Вернулись? Ну, как ваш муж? Куда вы его проводили? Да что вы такая грустная? Что-нибудь случилось или это он вас донял? – показывая на доктора Газабекова, сказал доктор Захарьян.

Я хотела повторить весь разговор, который только что произошел, но не успела сказать ничего... Доктор перебил меня:

– Ну, теперь за дело! Сегодня последняя группа едет в тифозный барак. Там их двенадцать сестер. Вы будете тринадцатая...

Дни и ночи мелькают. Прихожу домой, немного ем, немного сплю, получаю от Вани письма. Он пишет: «Сiju по-прежнему в Карсе! Так надоела комната, в которой я живу, – ни воды, ни уборной, как следует, нет, кровать с клопами. Прямо насмешка над людьми, эта первоклассная гостиница “Люкс”! Хотя я очень скучаю по тебе, но сознание, что ты живешь в привычной для тебя обстановке, меня очень утешает. Здесь я много встретил кабардинцев. Кажется, на днях их куда-то посылают. В Карс прибывают все новые и новые войсковые части. Уже нет места для стоянок. Вокруг города – лагеря. Благодаря большому скоплению войск неизбежно и большое количество заболеваний в частях. Ко мне стали обращаться за перевозочными средствами для больных. Но у меня до сих пор нет санитарных двуколок – не на чем перевозить больных. Крепостной медицинский инспектор дал разрешение на реквизицию

молоканских⁴ фургонов. В них наложили толстый слой сена, и таким образом мой транспорт может действовать. Пишу каждый день в Тифлис в окружное управление, но безуспешно. Вместо нужных санитарных двуколок мне прислали младшего врача! Штровман. Кажется, симпатичный, только что кончил в Германии университет, приехал в Россию, женился и попал на войну. В одном из корпусов казарм Кабардинского полка развернулся полевой запасный госпиталь, в него мы и доставляем больных солдат. К некоторым из врачей приехали жены. И я очень хотел бы, чтобы и ты приехала сюда. Но теперь уже не стоит. Я каждую минуту жду приказа о выступлении. Береги себя, пиши мне чаще. Как ты проводишь время? Что делаешь? Твое желание поступить на курсы сестер милосердия, я думаю, совершенно вещь невозможная. Во-первых, тебя могут по окончании курсов послать на Западный фронт, что недопустимо ни в коем случае, а если даже пошлют в любой здешний полевой госпиталь, то куда-нибудь около самой позиции, где нельзя достать ничего. И тебе придется есть черный хлеб! А с твоим здоровьем это невозможно совсем! Получил от тебя посылку. Спасибо! Икрой угостил своих коллег. Один из старших врачей (здесь стоит четыре санитарных транспорта, и все без санитарных двуколок) пригласил меня к себе: к нему приехала жена. Ну, я захватил икру; а там оказались еще несколько врачей. Икру съели с удовольствием и хвалили».

Я очень рада за мужа! Хоть у него есть немного развлечений.

А у меня на курсах чередуются лекции с практическими работами, день – с ночными дежурствами. И мне кажется иногда, что я уже все знаю и понимаю, но когда вспомню про экзамены – становится страшно!.. Больше всего бояться все курсантки доктора Газабекова; он гроза наших курсов; всякий раз, заканчивая свою лекцию, говорит: «Помните, что самое важное для сестер милосердия – это уход за больными! И кто этого не усвоит – тот может не приходиться на экзамены – не пропущу!»

Только кончилась лекция по анатомии, мы все идем в дежурку, ложимся поперек кровати, и начинается разбор и проверка слышанной лекции... Сегодня их было три: анатомия, хирургия и рецептура.

– Семочка! Семочка! Да Семочка же! Ну, что вы, право, орете, сестры, ничего не слышно! Семочка, расскажите, пожалуйста, сегодняшнюю лекцию по анатомии, – приставала с настойчивостью старой нищенки Ольга Бакланова. Ей нелегко все давалось, но она говорила, что после окончания войны можно поступить на медицинские курсы без экзаменов – так как эти наши «знания» достаточны для поступления в университет.

– Ну же, Семочка, рассказывайте. Значит, печень и желудок лежат... – начала повторять Зина Байкова, но ее перебивают несколько голосов сразу:

– Стой, стой, никто не лежит... – остановили ее подруги.

– Ну, хорошо, слушайте! – и я стала повторять слышанную сегодня лекцию.

Анатомия мне дается легко. А сестры думают, раз я – жена доктора, так, безусловно, должна знать лучше, чем другие. Конечно, я с ними очень не спорила! И только я забралась во внутренности несуществующего трупа, вошла дежурная фельдшерица с листом бумаги и стала читать фамилии дежурных на сегодня сестер:

– Сестра Байкова, сестра Семина, сестра Калабина, – и, прикрепив лист с фамилиями на стенку, фельдшерица вышла из дежурки.

Лекция моя прекратилась. Я пошла к телефону и позвонила домой:

– Гайдамакин, я дежурная и обедать не приеду. Если есть письма от барина – принеси сюда...

⁴ Молокане – представители религиозного течения духовного христианства. В условиях общей мобилизации на молкан, отказывавшихся от несения воинской повинности, возложили своего рода «подводную повинность», реквизируя на нужды войны повозки.

Скоро все мы разошлись по своим палатам и стали мерить температуру, давать лекарства, а в шесть часов обед для больных.

Больные в городских больницах производят особенно тяжелое впечатление, а хирургические – просто сплошной ужас. Сегодня привезли одного разбитого вдребезги. Упал со строящегося дома – у него перебиты, кажется, все кости... Ему делали операцию черепа. Жутко ужасно! Как еще он дышит до сих пор! И все это в мое дежурство... Вечером привезли восьмидесятилетнего старика-татарина с огромной грыжей. Он совершенно посинел и едва дышал. Я сейчас же позвала дежурного доктора. Доктор осмотрел больного, расспросил его и сказал: «Сестра, сейчас же посадите его в ванну и приготовьте все к операции». Я его усадила в ванну с помощью служителя:

– Смотри за ним, чтобы не утонул, – а сама пошла в операционную комнату, зажгла спиртовку под ванночкой с инструментами. Потом стала готовить стол и халаты. Потом пришли и другие дежурные сестры и фельдшерица. Пришел и доктор.

– Ну, что? Больной жив еще? – спросил доктор. – Давайте его сюда.

Я пошла в ванную за ним. Старик сидел все такой же синий, держась руками за края ванны.

– Степан, позови кого-нибудь еще, нужно взять его в операционную.

Пришли еще два служителя, и мы стали поднимать старика из ванной. Это было очень трудно. У него был так велик живот, что он не мог согнуть ноги. Служители, здоровые мужики, с трудом вытащили его и положили на носилки. Старик страшно стонал и тяжело дышал. Я думала, что его не довезут до операционной. Наконец он уже на столе; надета маска, капает хлороформ на маску; больной делает невероятные усилия вдохнуть воздух, его грудь и живот высоко поднимаются, и от маски идет пар.

Я держу его голову и скоро начинаю сама чувствовать сладковатый запах; меня тошнит, кружится голова и руки слабо сжимают голову больного. Доктор что-то говорит, но где-то далеко-далеко:

– Сестра, поднимите свою голову!

Какая-то из сестер подошла и похлопала меня по спине:

– Сестра, сестра, операция кончена...

Фельдшерица сняла маску с больного. Он дышал медленно и спокойно. Доктор кончил зашивать рану: одна из сестер держала в руке вату и бинты, чтобы подать их доктору, который, не отрываясь от раны и не поднимая головы, сказал:

– Сестра Семина, выйдите в коридор и подышите чистым воздухом.

Я с трудом оторвалась от края стола у головы старика и, шатаясь, вышла в коридор. Там я открыла окно, втянула свежий воздух и быстро стала приходить в себя. Открылась дверь из операционной, и оттуда выкатили носилки с больным. Слава богу, его повезли не в мою палату. Вот вышел и доктор, и сестры.

– Сестра Семина, поезжайте домой, за вас посмотрят вашу палату другие сестры, – сказал доктор. – Вы выглядите не совсем здоровой, – ласково добавил он.

– Что вы, доктор! Я чувствую себя хорошо и могу продолжать свое дежурство. Мне было нехорошо от хлороформа, но теперь все прошло.

– Ну, вот и молодец! Тогда идите в дежурную и отдыхайте. Я больного положил в палату к сестре Байковой. Она посмотрит за ним; операция прошла вполне благополучно.

Я поднялась на второй этаж в нашу общую дежурную комнату и прилегла; сейчас же пришли и другие сестры. Мы, курсантки, дежурили в городской больнице не совсем самостоятельно; с нами еще дежурили старшая сестра или фельдшерица, или старик фельдшер, очень милый, смотревший на нас как на барышень, которым нужно помочь, и всегда помогал. Но фельдшерица, тоже служившая много лет в больнице, нас подтягивала: не позволяла в дежурке спать, укрывшись с головой одеялом и тушить электричество. Сделаешь обход больных и, если

все благополучно, сейчас же бежишь в дежурку – и на постель. И только ляжешь, согреешься (некоторые сестры даже тушили электричество), вдруг яркий свет в глаза: фельдшерица тут-как тут!

– Звонка вы, сестры, не слышали?

Соскакиваешь.

– Нет, Мария Ивановна, мы ничего не слышали.

– Да! Трудно услышать, когда человек спит, закрывшись с головой!

Потом на стене в дежурной комнате был повешен большой лист бумаги, на котором крупным почерком самой Марьи Ивановны было выведено: «Во время дежурства сестрам спать воспрещается! И тушить электричество!»

А раздача обеда больным – тоже большая работа для сестер: многие больные сами не могут есть. Одних нужно поднять и посадить, обложить подушками, других нужно кормить с ложки; да и то больной двигается и захлебывается. Тогда ему нужно одной рукой приподнять голову, а другой вливать жидкий суп в рот... А глаза у такого больного печальные, беспомощные, и он всегда смотрит в глаза сестре; и смотреть в такие глаза прямо тяжело: все время стараешься глядеть в сторону. А вот еще больной, которого пою из чайника с длинным рожком теплым молоком с чуть прибавленным сахаром. Этого и приподнимать нельзя, он весь забинтован; голова, как снежный ком – только отверстие для рта и щелочки-глаза. Я подношу ко рту рожок чайника, чуть-чуть нагибаю его внутрь рта и чувствую, как он потянул молоко и глотнул.

– Ну что, сестра, он пил немного? – спрашивает доктор, проходя мимо меня. – Хорошо, хорошо давайте чаще пить. Хоть по капле, но чаще, он нуждается в этом. Он много потерял крови.

Да, много разных больных. Обо всех и не расскажешь. А ночью, когда зайдешь в палату! Жутко! Один стонет, другой бредит, третий силится приподняться, сбросил одеяло, одна нога свисла с кровати. И вдруг затихнет... Заснул? В бреду ведь тоже можно заснуть? Поправишь ногу, укроешь одеялом, а больной обессилел, не чувствует моего прикосновения; бледный, тяжело дышит, но спит. Тихонько, чтобы никого не потревожить, выхожу из палаты. Но не успела закрыть дверь, слышу: «Пить, пить, сестра, сестра, пить!»

Возвращаюсь, иду по тому направлению, откуда слышен голос, даю пить. Больной, сам приподнявшийся для питья, снова тяжело падает на подушку и затихает... Я вышла на крыльцо, ведущее в сад, и дышу чистым и свежим воздухом. Ночь тихая, теплая, пахнет цветами или какой-то душистой травой. Хотя теперь осень, но у нас на Кавказе тепло. Некоторые из деревьев стоят еще зеленые, а около домов цветут розы. Письмо, которое принес Гайдамакин, я еще не успела как следует прочесть; пойду почитаю, пока все тихо: Ваня описывал, как уходил Кабардинский полк из Карса на позиции.

«Они шли точно на маневры в мирное время! Все были веселы; в стройном порядке шли рота за ротой; впереди всех шел оркестр. Как и полагается, шестнадцатая рота замыкала шествие. Капитан Ваксман вел свою роту в образцовом порядке. Я подошел к нему, и мы с ним расцеловались. “Эх, доктор, Иван Семенович, почему вы не с нами? Ведь вы наш”, – сказал он. Я прошел с ним два квартала. “Вот убьют, семья останется без копейки! А ведь не шутка: шесть человек детей! Жена да мать старуха еще живет с нами. Как-никак, а всех кормил на капитанское жалованье. Мальчишки учатся в кадетском корпусе. Двое должны бы скоро кончить, да нельзя же от них ждать помощи – самим нужно жить. Жена с ребятами и матерью поедут во Владикавказ. Там у матери есть домишко, хоть за квартиру платить не нужно. Ну да что заранее плакать, еще жив!” Просил передать тебе привет и заодно целует тебе ручку. Я спросил его, куда идет полк? “Сами еще не знаем, куда идем. Секретный пакет вскрыет командир полка только через несколько верст от Карса”. Мы попрощались с ним, и он зашагал дальше. А позади полка ехали санитарные линейки и полковые обозы в таком же образцовом порядке, как и весь полк. Смотрю я на проходящий полк и чувствую, какая это могучая сила, и мне

самому хочется идти с ними... Точно я первый раз вижу Русский полк в таком порядке! Ведь я сам бывал с ним на маневрах несколько раз. Но сегодня он совсем выглядел по-другому: все молодые, стройные, веселые! Офицеры, проходя мимо меня, кричат мне: «Доктор, с нами идемте, вы ведь наш!» Правду сказать тебе – грустно мне стало, когда прошел полк! Мне показалось, что вместе с полком ушла сама Россия? А с ней что-то кончилось и ушло красивое неповторимое?!»

В другом письме он пишет: «Получил предписание выступить в Сарыкамыш, а санитарных двуколок для перевозки раненых все еще не прислали. Поеду с молоканскими фургонами, но они для раненых прямо ужасны». В конце письма приписка: «Ура! Тиночка! Сегодня получил двадцать пять долгожданных двуколок. Это прекрасные экипажи; страшно легкие и удобные. В каждой можно поместить пять лежачих (тяжело раненных) и три сидячих (легко раненных). Двуколок прислали сто, но здесь стоят четыре санитарных транспорта, и каждому дали по двадцать пять. Остальные двадцать пять пришлют потом. Завтра в шесть часов утра выступаем в Сарыкамыш».

* * *

Ночь кончилась. Шестой час утра. Особенно тяжелое время для сестры, проведеншей бессонную ночь. Несмотря на молодость, чувствуешь себя разбитой и усталой. Идешь в палату мерить температуру; больные, плохо спавшие ночь, теперь спят. Тихо ставишь термометр под мышку, а больной и не пошевелится, измученный бессонной ночью. Но сон их недолог; не успеешь обойти всю палату, а больные начинают уже просыпаться. Но короткий сон не освежил и не подбодрил несчастных... Все бледные, глаза загноились, губы сухие, потрескались.

* * *

Наконец курс закончен, экзамены сданы! На прощание доктор Газабеков прочел нам наставление:

– Помните, что вы сделали сестрами не только на время войны, а на всю жизнь. И вы взяли на себя обязанность помогать и оказывать помощь как государству, так и каждому человеку, если вы увидите, что он нуждается в вашей помощи.

Мы, сестры, вышли в широкий коридор и стали поздравлять друг друга.

– Семочка, Семочка, поздравляю, – говорит сестра Машукова, обнимая меня и целуя.

И другие сестры тоже стали поздравлять:

– Подождите еще поздравлять! Нужно сначала узнать, выдержали ли мы экзамены? Может быть, неудовлетворительно? И свидетельства нам не выдадут?

– Нет, нет! Быть этого не может. По-моему, все мы отвечали хорошо, – заявила Катя Валькова.

– По-твоему, может быть, хорошо, а вот по мнению доктора Газабекова, может быть, и нет?!

– Ну, если нет, то что с нами будет? – не унималась Катя.

– Заставят прослушать еще раз весь курс, – сказала сестра Маруся.

– Это невозможно! Это такой позор! Я ни за что не останусь на вторичный курс! – сказала сестра Бодалова.

– Мне стыдно будет идти домой! – сказала хорошенькая Мариям. – Моя мама сказала мне, когда я решила пойти на курсы: «Мариям, учись! Когда кончишь – пойдешь помогать армянскому народу. Армяне все пойдут на войну и будут драться с турками! Они враги армянского народа!» И вдруг вместо окончания еще раз слушать лекции?! Ни за что, я так пойду на фронт и буду работать, как простая сиделка!

Волнение росло среди сестер. Они были так возбуждены, что готовы были плакать. А в это время в большом зале, где только что нас экзаменовали, шло совещание врачей-экзаменаторов... Вдруг открылась дверь в широкий коридор, где мы, все сестры, волновались, и из зала вышел доктор Захарьян с сияющим лицом:

– Сестры! Поздравляю! Все окончили отлично! Аттестаты будут выданы через несколько дней! У нас получен список, куда спешно требуется больше сестер. Выбор большой, можете выбирать!

Боже мой! Что тут поднялось! Прежде всего, все сестры бросились к доктору Захарьяну и стали его благодарить. А кто посмелее – целовал его в щеку. По-разному радовались сестры окончанию курсов... Чувствовалось, что с получением сестринского диплома начинается новая жизнь, не похожая на ту, которая осталась позади... Нужно покидать родной дом, мать, привычную обстановку, чистую кровать, собственную комнату...

Чистые, молодые, жизнерадостные уезжали девушки из дому, а через год это были бледные, нервные женщины. Многие стали курить, чтобы не заснуть стоя. Сплошь да рядом по две, по три ночи не спали, когда шли бои, и раненых везли непрерывным потоком в госпиталь. Уже и мест нет не только на кроватях, но и на полу. А раненых все несут и несут, без конца... Только и слышишь: «Сестра! сестра!» – несется со всех сторон... Не знаешь, куда идти, кому первому оказать помощь! Ноги едва двигаются. Голова кружится. Спина болит... Но нельзя ни сесть, ни отдохнуть. Нужно идти и помогать страдающим.

– Сестра, запишите вот этого раненого на операцию, – говорит врач.

– Сестра, вон тот умирает; нужно записать фамилию и какой он части.

Нагибаюсь над раненым, записываю, а рядом другой просит пить.

– Сестра, дайте бинт и ножницы, – просит доктор, нагнувшись над раненым, которому делает перевязку...

– Сестричка, пить, пожалуйста, дайте, – слабо просит раненый, лежавший прямо на голом полу.

– Сестра, раненый вас зовет! Кажись, помирает, – говорит санитар. – Вон, около стены...

Подхожу, нагибаюсь близко к лицу раненого. Совсем еще молодой! Говорит едва слышно:

– Сестра, напишите моей матери, когда я помру. Все так и отпишите, – помер, мол, от ран и кланяется вам, матушка.

– Хорошо, а как твоя фамилия? Адрес какой?.. Слышишь?! Какой адрес матери? – Но раненый израсходовал все свои силы и потерял сознание. Хочется хоть на минуту еще привести его в сознание, чтобы записать адрес матери...

– Покарауль его, а я принесу вина немного, – обращается сестра к стоящему санитару. – Может быть, он еще придет в себя...

Сестра бежит в другой конец госпиталя. А по дороге ее останавливают и просят помощи другие: «Сестра, помогите поднять раненого; его нужно в перевязочную скорее: у него кровотечение!» – говорит доктор, показывая на истекающего кровью раненого... Сестра помогает поднять и уложить раненого на носилки. Потом идет дальше за вином. Но когда возвращается назад с вином, раненый уже умер... Часто случается даже, что и трупа уже не найти, – вынесли... Сестра в отчаянии! Невыносимо сознавать, что уже ничего нельзя сделать!.. Часто без слез душат рыдания... Но долго предаваться горю нет времени! Опять ведь зовут!

– Сестра, идите в перевязочную скорее, доктор вас просит, – раздается над ухом голос санитары...

Идешь в перевязочную. Там полно раненых! Один лежит на столе; другие сидят на стульях, третьи лежат на полу и ждут своей очереди...

– Сестра, помогите наложить лубки, у него кость перебита, – говорит доктор.

Раненый забинтован. Сестра идет с ним, помогает санитарам уложить его на койку. Осторожно перекладывает на постель. Под раненую ногу подкладывает подушку или вату...

– Сестра, неудобно мне, – говорит раненый.

Кладешь еще ваты.

– Ну что, лучше?

– Нет! Больно!

Снова осторожно поправляешь положение ноги, еще подкладываешь ваты...

– Пить! Дайте попить, сестра!

Раненые много пьют – гораздо больше, чем обыкновенные больные...

Слава богу, наконец все понемногу успокоилось. Сестра тихонько выходит из перевязочной. Голова кружится, во рту сухо, в ногах слабость. Хочется сесть, а еще лучше, если бы можно было лечь хоть на пять минут!.. Если проходящий доктор заметит такое состояние сестры, непременно скажет:

– Сестра, нате вот папиросу, курите!..

Прежде я не курила никогда. Но однажды мы целые сутки не выходили из госпиталя! Не успевали всех раненых перевязывать... Где-то недалеко от нашего полевого госпиталя шли бои, и транспорт моего мужа все время привозил оттуда раненых. Я присела на пол около раненого, чтобы записать фамилию (раненые лежали рядами на сене прямо на полу), а подняться уже и не могу. Такая слабость. Санитар увидел это, помог мне подняться и вывел меня на двор. Я прислонилась к перилам и закрыла глаза. Кто-то сунул мне в рот папиросу...

– Кури!

Я потянула, закашлялась. Но потянула еще и еще... И как-то стало легче. Я открыла глаза... Передо мной стоял мой муж!.. Я положила голову ему на грудь, и мне хотелось плакать от радости... Родной мой Ванечка! В самую тяжелую минуту ты оказался около меня. Слезы радости и успокоения текли по моим щекам и капали ему на тужурку...

– Кури, кури! Легче станет! – сказал он.

* * *

После бурных приветствий и поздравлений друг друга сестры шумной толпой пошли в огромный вестибюль, где многих из них ждали с нетерпением родственники и матери. Я вышла тоже со всеми и только хотела пробираться к вешалке за моим манто, вдруг слышу:

– Барыня, кончили учение? Поздравляю!

– Гайдамакин! Ты зачем здесь? Кончила! Кончила, спасибо...

Верный солдат был тут же, среди матерей и родственников окончивших сестер, и первый поздравил меня из всей семьи моего мужа. Нина и Яша относились безразлично к моим курсам и считали, что это блажь, никому не нужная. И всегда с насмешкой и издевательством расспрашивали меня о работе в госпитале: «Ну что, ходишь с ваткой и носики вытираешь бедным больным?» – «Что же? Когда нужно, и носы вытираю!» – «Я представляю себе! Когда кончится война, ты вернешься домой, вся грудь увешана медалями за подвиги сестры на поле брани!» – сказала Нина.

Гайдамакин подал мне манто, и мы вышли на подъезд, сели в фаэтон и поехали домой.

– Письма есть от барина? – (Я ушла утром раньше, чем пришел почтальон.)

– Есть одно, я захватил с собой; вот оно.

Я вскрыла и стала читать. «Тиночка, любимая, настроение у меня препоганое! Я чувствую, что эта должность не для меня. Никакой работы медицинской я не несу! А должность старшего врача в транспорте – это должность чиновника, для которого я совершенно не гожусь. Нужно ругаться, бить всех за грабежи и воровство, которое, мне кажется, идет у меня в хозяйстве! Но я не умею ни бить людей, ни ловить воров! А если я не умею этого делать, значит, я не гожусь для этой должности! Чувствую, что лучше бы мне сейчас же уйти из транспорта, хотя бы младшим врачом в госпиталь, но работать бы по моей специальности. Здесь я только

подписываю бумаги и счета, которые мне кажутся все фальшивыми и в которых я просто не могу разобраться, так они запутаны... А что я могу сделать? Каждый день делаю осмотр всего хозяйства; смотрю лошадей и не знаю – сыты они или голодны? Тиночка, милая, ты же знаешь отлично, что я никогда в жизни ничего общего не имел с лошадьми! Как-то нарочно спросил дневального: “Как по-твоему, лошади сыты? Не нужно ли им увеличить дачу?” – “Не могу знать!” Вот и весь ответ на мои сомнения! К кому я могу обратиться! Все смотрят на меня только как на начальника и просто не могут понять, что мне нужна их помощь. Я чувствую и убежден, что эти братья Костины по хозяйственной части работают в свою пользу, но я не умею и не знаю, как их поймать и остановить их мошенничества. Сегодня ходил осматривал фураж по записям в отчетных листах! Ну, вижу мешки с ячменем, стог сена и немного подстилочной соломы для лошадей... Меня сопровождают Костин и подпрапорщик Галкин. А сколько пудов ячменя в этих мешках, сколько пудов сена в стоге? Разве я знаю? Костин лебезит, показывает на мешки, на стог сена: “Вот тут 300 пудов ячменя, 600 пудов сена, 150 пудов подстилочной соломы...” Я обратился к подпрапорщику Галкину: “Сколько пудов ячменя, по-вашему?” – “Так что не могу знать ваше высокоблагородие! Трудно сказать точно”. – “А сколько пудов соломы?” – “Так что, я думаю, пудов двадцать”, – едва выговорил он. “А у тебя, Костин, в ведомостях значится сто пятьдесят пудов?” Он нагло отвечает: “Ведомости составлены вчера, а сегодня солому брали уже для подстилки лошадям”. Я иду в конюшню, хотя в конюшнях не все лошади стояли, – не хватает места, половина лошадей стояла на дворе. Обошел все конюшни, все коновязи... Нигде под ногами у лошадей не было ни одной соломинки! Просто всюду была ужасная грязь! И сами лошади были тоже грязные, мохнатые... “Где же солома?” – спрашиваю Костина. – “Да они ее съели!” – нагло отвечает он. Я обратился к Галкину: “Почему в такой грязи стоят лошади?” – “Так что подстилки нету!...” Тина! Родная моя! Что делать?! Я едва владею собой. В один ужасный день я изобью всех. И это будет ужасно для меня самого. Я так верил русскому солдату!...»

* * *

Господи! Что же это такое! Сижу, точно провалилась в глубокую, темную яму...

– Барыня, приехали! – голос Гайдамакина привел меня в себя.

Я поднялась по лестнице и прошла в кабинет Вани. Я люблю эту комнату. В ней все по-старому: большой письменный стол, лампа с зеленым абажуром, мраморный письменный прибор, стетоскоп, много книг – некоторые из них открыты на тех страницах, которые он читал перед тем, как уехал в Шемаху... Большой книжный шкаф полон медицинских книг и журналов.

Я села в кресло, в котором он сидел долго по ночам, читая свои любимые книги. Сколько времени я плакала, не знаю, кто-то погладил меня по голове...

Я подняла голову и увидела Нину. Она была встревожена.

– Тина, что случилось? Ты получила неприятное письмо от Ивана Семеновича? Случилось с ним что-нибудь?

Я не могу сказать, случилось ли что-нибудь? Но что-то действительно случилось ужасное! А рассказать нечего...

– Нет, ничего особенного! Ваня чувствует себя не особенно здоровым. Я рада, что курсы мои кончены! Теперь я смогу скоро выехать к нему...

– Ты получила письмо от Вани? Что с ним? – спрашивает вошедший Яша. – Да! Кстати! Поздравляю – кончила! Ну, теперь можешь и на фронт ехать – флиртовать!

– Яша! О морали у тебя понятие смутное! Я давно это знала. Но не меряй все на свой аршин!

– Ну, Тина, не сердись! Я ведь пошутил! А все-таки, что случилось? Гайдамакин прибежал ко мне, говорит, барыня получили письмо от барина, прочитали его, а теперь плачут...

Этот солдат действительно друг наш, подумала я. Три года он живет у нас в доме. И этой осенью должен был бы уходить домой, к себе в деревню, но война задержала его. Он очень преданный и честный человек и любит мужа. Когда Гайдамакин пришел к нам в дом, муж сказал ему: «Смотри за всем, чтобы было все в порядке, отвечать будешь за все ты». И он исполнял все с величайшей ревностью. Если горничная разобьет стакан или рюмку, он не устает донимать ее упреками: «Для тебя что баккара⁵, что простой хрусталь, все едино! Разве ты понять можешь? А мне отвечать за вас!»

Или: «Барыня, у нас очень много зря покупается провизии», – вдруг объявляет он за завтраком... «Как много? Откуда ты взял это», – говорю я. «Да я вижу, сколько Аннушка уносит домой каждый вечер всякой всячины». Муж смотрит на меня с гордостью: вот, мол, какой мой Гайдамакин! Все видит! Все знает, что делается в доме... А тот стоит, мрачно смотрит в пол. Оба правы! А женщины – обе виноваты: одна – ротозейка, не умеет распорядиться домашним хозяйством! А другая просто воровка – растаскивает добро «моего» барина... «Правда, она уносит остатки, но я сама ей разрешила это: у нее трое ребят сидят дома голодные, а у ее мужа оторвало руку на пожаре, когда он служил в пожарной команде», – пытаюсь я объяснить... «Ну, вот видишь! Пускай берет эту маленькую помощь», – сказал муж.

Боже мой! Что тут случилось с Гайдамакиным! Он просто позеленел, и его маленькие калмыцкие глазки совсем ушли в глубь орбит, как бы не желая смотреть на такую глупую хозяйку! (Есть такое выражение: и глаза бы мои на тебя не смотрели.) Сначала он молчал. Потом точно поперхнулся: «Ох! Так это ж она морочит вам голову! Никаких нет у ней детей! И никакого мужа! – прорвался он наконец. – Она носит все это пожарному, а не мужу!» Муж строго посмотрел на него. Он моментально замолчал и вышел из столовой. Муж долго хохотал, но я была обижена. Кухарке я сделала выговор. И в доме наступил мир. До первой разбитой вещи, конечно... И опять тогда все сначала: «А мне за вас отвечать!» и тому подобное.

А вот сейчас мои слезы его расстроили совсем, и он сразу пошел за помощью.

Когда Нина и Яша ушли, он пришел ко мне:

– Барыня! Я хочу дом привести в порядок!

– Что ты хочешь делать?

– Да надо уложить ковры, серебро, дорогую посуду. Чехлы опять надены на мебель. Вы ведь долго здесь не пробудете? А мне бы поехать к барину: может, они в чем нуждаются? Тоже ведь один там... Кругом чужие люди! За одеждой присмотреть нужно, а чем он там кормится? Я так думаю, барыня: я все приберу, уложу в сундуки и поеду, а вы пока обойдетесь с Машей да с Аннушкой?

Я молчала и думала, какую пользу принесет мужу приезд Гайдамакина? Не проще ли мне самой поехать туда?! Я позвала Аннушку и Машу и сказала им, что я уезжаю на фронт к мужу, а дом закрою. А когда война кончится, и если мы будем живы, приходите! Возьму опять! Каждая из них получила за месяц вперед жалованье. Они обе горько плакали.

* * *

Свидетельство об окончании сестринских курсов мне привез сам доктор Захарьян. Он расспрашивал о муже, которого знал очень хорошо.

– А вы куда думаете ехать? На какой фронт? – спросил он меня. – Если хотите, оставайтесь в нашем хирургическом, место за вами!

⁵ Имеется в виду марка хрусталя, производимого в городе Баккара (Франция).

– Нет, доктор, спасибо. Я не знаю еще, где я буду работать, но я сейчас еду к мужу в Сарыкамыш. Хотя он и не ждет меня. Для него мой приезд будет полным сюрпризом. А там видно будет. Может быть, устроюсь в каком-нибудь из госпиталей, стоящих в Сарыкамыше.

– Я бы и сам не прочь поехать поработать под огнем неприятельских пуль, бодрящее чувство! А что тут? Залечивать дырки да читать новым курсанткам анатомию... Между прочим, у нас через неделю опять новый прием на курс сестер.

Я вспомнила письмо мужа: как он завидует тому, кто остался и продолжает нести обязанности в больницах и госпиталях.

– Нет, вы счастливый, что остались дома и продолжаете работать в своей области: лекции, анатомия, дело врача. А вот если бы вам пришлось считать пуды сена, как моему мужу, смотреть рваные сапоги и рубахи солдат, чтобы их сдать, а взамен получить столько же новых, и вечно подписывать счета, в которых ничего нельзя понять. Это ужасно для врача!

– Да, это верно, я ничего тоже не понимаю в этом деле, да и скучно это для врача. Меня всякий дурак надует, да еще меня же будет считать дураком...

– Вот видите! Значит, нечего вам жалеть, что вы заняты своей нормальной работой.

Доктор ушел, а мы принялись за укладку. У меня масса еще была и других дел кроме укладки вещей. Я сказала Маше, какие беру с собой вещи, и поручила ей самой уложить все. Мне нужно поехать к портнихе, в банк свезти бумаги, лишние деньги и разные ценные вещи. Вот этот пакет с завещанием Вани. Он сказал мне, что в нем он все свое имущество оставляет мне в случае его смерти. Да никого другого у него и нет! Детей у нас нет! Братья сами имеют столько же. Несмотря на все кутежи как Алексея, так и Яши, все же и они не могли тратить всего дохода, который приносило наше имущество. Я никогда не обращала на деньги никакого внимания; они приходили в мой дом без ведома и усилий с моей стороны. Их было много – больше, чем мы могли тратить при всей нашей бесхозяйственности и безалаберности с моей стороны.

Деньги я клала прямо в мою зеркальную шифоньерку. Когда наберется толстая пачка кремовых кредиток с головой Екатерины Второй⁶ – тогда я несу их в банк. Муж к деньгам относился совсем безразлично. Когда Яша приносил деньги, муж кричал мне:

– Тина, Яша принес деньги, возьми их.

Яша заведовал всем: сдавал квартиры, получал деньги, имел дело с подрядчиками – десятки лет одни и те же вели все работы в наших домах, – платил налоги, страховки, нанимал дворников; их у нас было двое: один назывался «старший дворник», другой – его помощник, исполнял только приказания своего прямого начальника, старшего дворника Тимофея. Иногда денщики, наш или старшего брата Алексея, попросят помочь вынести ковры, чтобы почистить: «Эй, слышь, Миколай! Приходи, помоги мне вынести ковры». – «Не могу! Я занят! Тимофей сказал, чтобы вымыть отхожие места; може опосля, как управлюсь».

На Кавказе за несколько лет перед войной введено было ночное дежурство дворников. Тимофей дежурил сам. Он был официальное лицо; ему в участке дали свисток и бляху с номером, и его паспорт держали тоже в участке до тех пор, пока он служил у нас в доме. Дежурный дворник, когда выходил на дежурство, надевал белый фартук, белые нитяные перчатки, на шею на шнурке полицейский свисток, бляха с номером, а в руках дубинка. Мы выдавали холщовые фартуки; для лета и осени – брезентовое пальто, а зимой ватное пальто, кожаную фуражку и высокие сапоги на случай дождя или снега. Дворнику полагалась квартира – комната с кухней, если дворник был холостой. А если с «бабой», как обычно они называли женатых, то две комнаты и кухня. Помощнику полагалась одна комната, если оба дворника без «баб», то обычно они жили вместе – дешевле «харчиться», говорили они. Зимой обязательно выдавались дрова, а керосин все равно летом и зимой полагался.

⁶ Сторублевые купюры в начале XX века с изображением Екатерины II.

Вот пакет с завещанием мужа. Но я его не открою! Когда Ваня передавал мне его, то сказал:

– Тина, если я живым не вернусь, это все твое! Ты богата! У тебя столько, что можешь жить, как только захочешь. Тебе хватит на все... – Он замолчал. Потом взял мою руку, прижал к губам крепко-крепко. И произнес чуть слышно: – Не выходи больше замуж! Я так тебя люблю!

– Родной мой, любимый! Что ты говоришь! Если тебя убьют, я не хочу жить без тебя ни одного дня!.. – Да, я так думала тогда: без него нет жизни, ничего мне не нужно: ни денег, ни домов! Сердце вдруг так больно сжалось... – Тебе ведь ничего не угрожает – ты врач! Мне тяжело думать, что мы расстанемся хотя бы на время... Я хочу всегда, всегда быть с тобой... При всех обстоятельствах!.. До конца дней наших...

Но судьба оказалась сильнее меня, и все случилось по-другому... Жизнь переломилась! По одну сторону перелома осталось и ушло все красивое, а по другую оказалась кровь, слезы и сплошное несчастье. Всякая ценность потеряла значение... Сколько я видела молодых, красивых, а может быть, и богатых – бездыханных трупов?.. Они так же лежали на земле рядами, как и самый бедный солдат...

Ну вот, все кончилось и осталось позади и, может быть, навсегда!..

Я на вокзале. Уезжаю к Ване! Гайдамакин едет со мной – мрачный, угрюмый!..

Масса знакомых пришли проводить меня. Наташили цветов, конфет. Болтают всякую ерунду, смеются. В сотый раз повторяют одно и то же: «Передайте Ивану Семеновичу привет! Скажите, чтобы берегся! Сами берегитесь тоже... Скорее возвращайтесь домой! Мы вас ждем обоих». И так далее...

– Яша, а что ты думаешь делать? – спросила я его.

– Продолжать все ту же жизнь: пить, играть в карты, ухаживать за хорошенькими женщинами, проводить бессонные ночи!.. Нет!.. Ну их всех, женщин!.. Надоели. В конце концов, сбегу на фронт...

– А ты не беги от кого-нибудь. Просто иди сам добровольно, с чувством долга... Ведь теперь нужны России все, и каждому найдется дело!

– Ну и пусть их идут! Вот ты пошла тоже – ну, и отлично! Да, наконец, у меня два брата на войне – помогают России, как ты говоришь. Надо же кому-нибудь и здесь остаться!

– Вот бы мне скинуть десятка два годков, так я бы пошел с удовольствием на войну, – сказал отец Нины.

– Да ты и теперь еще годен копать братские могилы, – сказал Яша и добавил: – А мне и дома хорошо! Да, наконец, если все мужчины уйдут на войну, кто будет развлекать женщин?! Ведь они, милые, умрут от тоски! А если у кого убьют мужа, брата или отца, кто будет утешать, вытирать слезы?! Нужно непременно держать в тылу некоторое количество опытных мужчин для утешения плачущих!

– Ну, понес! Как тебе не стыдно? Я все расскажу Ване...

– Нет! Пожалуйста, ты ему не говори этого. Напротив, скажи, что Яшка, мол, собирается ехать на фронт добровольцем...

– Ну, нет, я его обманывать не буду. Ты сам ему напиши это.

– Послушай! Да я не имею права никуда уезжать из дому. Кто будет вести дела здесь: ты уезжаешь за наградами, Нина – с ребятами.

– Ты, Яша, ходи на вокзал, когда приходят санитарные поезда, и раздавай папироски да яблочки раненым солдатам! – сказала Маня.

– Это тоже весьма полезное дело! – сказала я.

– А вот действительно, почему бы тебе не ходить на товарный вокзал к приходу санитарного поезда – помогал бы выгружать раненых. Или ходи по утрам в госпиталь и помогай санитарам убирать палаты!

– Ты с ума сошла! Я буду убирать палаты – что ты говоришь!
– А что? Делают же другие. Теперь много пошло на эту работу студентов.
– Ну и пускай идут и работают.
– Второй звонок – Тифлис! – кричит швейцар. Мы стали прощаться.
– Пишите, пожалуйста, ваша адрес! – сказала Мария Яковлевна.
– Всю жизнь прожила в России, а двух слов правильно сказать по-русски не может, – с неприязнью обрывает Нина свою мачеху.

– Да что вы! На войне нет никакого адреса, пишите прямо: «Действующая армия...»
– Третий звонок – Тифлис!

Я захожу в вагон и из окна кричу всем:

– До свидания, до свидания...

С этим первым моим отъездом из дома кончилось благополучие всей моей жизни и всей нашей семьи...

Я стояла у окна и смотрела, как уплывала платформа, потом сотни товарных вагонов вперемешку с классными вагонами, стоящими на запасных путях. А вон там, недалеко совсем, видна огромная труба – это у нашего соседа-татарина Алиева рисоочистительная фабрика. А напротив, через улицу Молоканскую, наш дом... А если пройти двор, там моя квартира, которая выходит на Биржевую улицу. Знакомый покойного отца как-то был у нас и сказал: «Разве можно в центре города держать столько свободной, незастроенной земли? Точно хутор какой-то! Ведь посреди этого двора можно еще выстроить пятьдесят квартир».

Никому не хотелось возиться с подрядчиками; муж служил, старший брат тоже служил, а Яша терпеть не мог что-либо создавать:

– Для чего я буду возиться с разными подрядчиками? Хватит и того, что есть!..

Скрылась труба, а с ней и наш дом; потянулись нефтяные вышки в «черном городе».

Я оторвалась от окна, хотела сесть и только теперь увидела, сколько цветов в купе; точно новобрачную провожали или театральную примадонну. Мне стало стыдно перед другими пассажирами: героиня какая! еду к мужу!

На какой-то станции зашел ко мне Гайдамакин узнать, хорошо ли мне, не нужно ли чего-нибудь? Я отдала ему цветы и некоторое количество конфет; стало свободнее в купе.

Сколько народа едет! Военные и штатские! Все говорят только о войне. Часто слышится: ранен, убит – хуже всякой эпидемии...

Ведь убит непременно молодой, сильный, жизнерадостный, у которого, наверное, осталась жена или невеста, или просто любимая женщина, все равно... Его сердце любило и хотело жить! А теперь свалят в общую яму, и никогда никто не узнает даже, где эта яма. Сколько останется женщин, горе которых только долгие годы притупят, но не излечат?!

Я вспомнила с отвращением слова Яши: «А утешать кто будет, если все мужчины уйдут на войну?» А ведь правда! Сколько плачут теперь! Матерей, вообще женщин! Но утешить их нельзя! Их горе беспредельное! Только слезы облегчат немного сердце женское!

Как хорошо, что я еду к мужу! Через несколько часов я увижу его, какая я эгоистка, даже в несчастье я счастлива? Услышу живой голос его! А те, кто получил страшное письмо «убит», никогда не увидят и не услышат родного голоса!

Но вот и Тифлис – главный центр тыла Кавказской армии!

Боже мой, сколько народу! На перроне едва можно пройти; повсюду эти серые шинели, и не разберешь, кто солдат, кто офицер, погоны у всех суконные, серые; не видно ни звездочек, ни полосок. Мне придется ждать поезда на Карс несколько часов.

Я прошла в зал первого класса, но не нашла ни одного свободного места, где бы можно было сесть... Гайдамакин сложил вещи прямо на пол, и я стала около них...

– Ты карауль поезд и постарайся занять мне место.

Как невыносимо тяжело стоять на одном месте!

Сесть не на что и уйти от сложенных на пол вещей не могу, а Гайдамакина нет. Вдруг слышу: «Первый звонок – Баку – Ростов!» В публике движение; многие встали и пошли к выходу. Недалеко от меня освободилось место – краешек дивана. Я села на него.

– Сказали, сейчас подадут поезд! – запыхавшись, сказал Гайдамакин. – Скорее, барыня, идемте! Место занять бы! Страсть сколько едет военных!

Мы стали протискиваться к выходу на перрон. Но на перроне, кажется, еще больше стало народу, чем было, когда мы приехали, а ведь недавно ушел поезд на Баку. Мы потихоньку двигаемся ближе к краю платформы, но толпа все время перемещается, как морская волна: то нас придвинет к самым рельсам, то отодвинет вглубь платформы. Наконец я очутилась среди серых шинелей и, стиснутая крепко со всех сторон, остановилась и стала ждать поезда. Холодно, сыро. А поезда все еще нет. Наконец что-то черное, безглазое выползло из темноты к платформе... Ни в одном окне не было света. Толпа сразу густой массой придвинулась к движущемуся поезду. Но кондукторы никого не пускали в вагоны. У каждого кондуктора был в руках фонарь. Кондуктор открыл дверь своим ключом, вошел в вагон и стал зажигать свечи в фонарях, которые были в каждом купе. А мы стоим и ждем...

Наконец, звонок! Дверь в вагон открыта! Все сразу бросаются в узкую дверь, получается «затор», злятся, тяжело дышат, толкают локтями! Меня охватывает ужас. Я хочу вырваться и убежать дальше от вагона, но толпа еще сильнее меня прижимает к вагону...

– Барыня, давайте руку! – вдруг слышу я голос Гайдамакина.

– Где ты, Гайдамакин?

– Я здесь, барыня! Дайте вашу руку!

Но я ничего не вижу, меня совсем затолкали, десятки рук тянутся через мою голову, чтобы схватиться за поручни и подняться в вагон. Гайдамакин поймал мою руку и втянул меня на площадку.

– Место я нашел для вас; вот здесь, в купе. Народу много, но я положил ваш чемоданчик, и место ваше будет!

Народа столько, что только бы втиснуться между каких-то серых шинелей! А о сне и думать нечего... В купе темно, сыро и пахнет солдатским сукном. Какой ужас! Как я доеду в такой обстановке до Сарыкамыша? Когда я вошла в купе, несколько человек, не то солдат, не то офицеров, соскочили со своих мест и сказали:

– Садитесь, сестра, «в тесноте, да не в обиде», потеснимся, и места всем хватит.

Я села на краешек дивана. Всех ненавижу! И чего это столько народу набилось в этот вагон? Могли бы и в другой пойти! Так нет, всегда так: куда один, туда и все, – стадо, со злобой думала я. Но когда поезд отошел, как-то сразу стало свободнее. Было уже поздно, и все стали укладываться спать. На диване напротив расположились две женщины и ребенок, по видимому, армянская семья, а мужчина-армянин стоял в дверях.

– Сестра! Ложитесь на верхний диван; а мы вчетвером устроимся на нижнем! – вдруг предложил один из моих соседей.

– У вас есть подушка и одеяло?

– Спасибо, да, у меня есть все. – И вдруг в купе стало светлее и теплее, и эти «ненавистные серые шинели» показались близкими, точно мы ехали одна семья! Они быстро и ловко подняли верхний диван, развернули мой дорожный мешок, вытащили оттуда подушку и одеяло и помогли подняться наверх. На противоположном диване уже спали двое головами в разные стороны, накрывшись шинелями.

Я легла, укрылась одеялом и скоро заснула. Проснулась я от сильного толчка и скрипа тормозов, и поезд остановился. В нашем купе была полная тишина. Я заглянула под диван, где спали четыре офицера: крайние двое спали, откинув голову в самый угол и закрыв лицо фуражкой; один, посредине, положил свою голову на плечо соседу и вытянул ноги; четвертый

спал сидя. Весь согнулся; голова его почти касалась колен; одна нога подвернулась под себя, другая вытянута. Просто ужасно было смотреть на этих спящих людей!

Мне стало совестно, что я на них злилась, что они занимают в купе много места! А они ведь отдали свои места и удобства мне, и вот теперь сами спят сидя... Я посмотрела на противоположный диван, где спали двое, все так же крепко. У одного под головой лежала фуражка, у другого – папах.

Было еще темно, когда поезд пришел в Александрополь. Армянская семья вышла и освободила целый диван. Двое из четырех пересели туда, легли так же головами в разные стороны и спали чуть не до самого Карса.

Спутники мои сошли в Карсе. В вагон село несколько новых, таких же серых, пассажиров. Но в моем купе, кроме меня, никого больше не было. За окном все покрыто снегом и слышно, как он скрипит под ногами. Мне выходить на вокзал не хотелось; пришел Гайдамакин, я его послала отправить телеграмму мужу и принести мне стакан чая.

Здесь уже война чувствуется! Кругом только военные! Чувствуется, что здесь они на месте и делают дело. Лица у офицеров и солдат озабоченные, шинели помятые... Особенно много солдат, офицеров и военных чиновников на перроне вокзала. Они то группами, то в одиночку ходят, говорят, куда-то показывают руками, часто заходят вовнутрь вокзала. А когда открывают дверь в вокзал, оттуда вырывается белый пар большими клубами.

Я подошла к окну на противоположной стороне. Там стояли товарные вагоны, и в щель сдвинутых дверей виднелся свет: не то везут солдат, не то лошадей? Не слышно ни пения, ни смеха, как обычно бывает, когда встречаешь эшелон. Должно быть, мороз так действует?

Получит ли Ваня мою телеграмму и приедет ли на вокзал встретить меня? Поезд придет в Сарыкамыш около двенадцати часов ночи. Хотя от Карса до Сарыкамыша и недалеко, но дорога идет все время в гору, и поезд идет черепашьям шагом.

Почему мне как-то жутко? Чем ближе к фронту, тем тоскливее! Или еще что-нибудь другое? Чувствую, как будто назад нет возврата, точно что-то затягивает, какая-то тина... Вот так бывает, когда идешь по болоту, – ступишь осторожно и, кажется, видишь дорожку, а оглянешься назад – ничего нет, кочки зыбучие да черная вода... Что за ерунда! Захочу, могу сейчас же вернуться назад домой! И никто ничего мне сказать не может! Еду я по собственной доброй воле и желанию. Это темнота и холод так на меня действуют, подумала я. Вон одна свеча только горит! В вагоне полумрак и сильно холодно... Вспомнила я, как несколько лет тому назад с этого же вокзала в Карсе, когда снег и морозы надоедали мне, я уезжала в Баку погреться на теплом солнышке. Всегда в вагонах было пусто; в первом классе два-три человека! Вон там, за этими эшелонами, – офицерский поселок Кабардинского полка... Там и наш флигель, где мы прожили несколько счастливых лет с Ваней... А теперь еду мимо, куда-то в холод и темноту...

Приеду в этот Сарыкамыш, а вдруг муж не встретит меня?! Куда мы пойдем ночью? Кругом чужие люди; все заняты, может быть, еще больше, чем здесь, никому нет дела до меня, хоть замерзни до смерти на улице... Как хорошо теперь было бы очутиться дома, в своей спальне, в чистой постели! Тепло, светло, сухо!..

– Барыня, вот, чай принес, – вдруг раздался голос Гайдамакина около меня.

Ох! Слава богу, хоть он пришел!

– Послал телеграмму? – После выпитого чая стало легче и теплее на душе...

– А что если барин не получит телеграмму и не приедет встретить нас на вокзал?

– Да не беспокойтесь, барыня! Вы посидите на вокзале, а я пойду пешком искать квартиру; а как только найду, барин приедет за вами. Найти нетрудно! Спрошу кого – все, поди, знают нашего барина! Найду, не беспокойтесь!

Скорее бы шел поезд! А то стоит, стоит, а для чего – неизвестно? И народа-то совсем мало...

– Декабрь на дворе, Рождество скоро! Никому неохота ехать на фронт, все норвят больше в тыл – до дому! – говорит Гайдамакин. – А мы вот поехали из дому от Рождества на фронт!

Сильный толчок! Паровоз прицепили! На платформе появились люди, начальник станции в военной фуражке машет рукой. Свисток! И колеса заскрипели на обледенелых рельсах. Поезд сделал толчок и тронулся. Станция медленно стала уходить назад. Стало сразу темно...

Я прильнула лицом к стеклу: где-то здесь, совсем близко от станции, казармы Кабардинского полка, в которых теперь госпиталь, писал Ваня мне.

Темно! Вот что-то темное большое обрисовывается! А это и есть казармы! В первом корпусе первого батальона чуть желтеют окна! Нельзя сказать, что там госпиталь... А другие корпуса, мимо которых теперь шел поезд, совсем выглядели черной громадой – нигде ни одного огонька...

Как странно все это для меня! Сколько лет приходилось проезжать по вечерам мимо этих зданий, полных жизни, света и движения! Песни, гармошка слышны были в каждом корпусе. У каждого подъезда стоял дневальный и у проходных ворот тоже дневальный: частную публику не разрешалось пропускать через дворы. «Иди кругом по дороге», – говорил дневальный. А теперь ни души! Война! Все сидят в холодных окопах! А офицерских флигелей совсем не видно. Да и смотреть не стоит! Все равно никого там уже и нет!

Кое-где мелькнет огонек в крошечном оконце армянского домика и сейчас же пропадет навеки. Темно! Поезд вышел из города...

Сажусь на диван. В моем купе сидят двое военных. Они тихо разговаривают о своих военных делах. В коридоре стоят маленькими группами, курят и тоже разговаривают. Тихо... В общем, народу едет мало! Куда же это ехало столько военных из Баку? Поезд был ведь переполнен? Да и из Тифлиса тоже ехало много! А вот теперь, когда фронт совсем близко, народу меньше, и как-то тише, спокойнее.

Когда поезд подошел к Сарыкамышскому вокзалу, я совсем была смущена – на станции никого! Ни души! Один фонарь слабо горел у дверей здания. На платформе никто никого не ждет! Не видно носильщиков. Да и здание вокзала показалось мне «крошечной избушкой», а поезд тихонько все ползет и ползет и наконец тихо, незаметно останавливается!

Дверь станции открылась. Оттуда вышло несколько человек. Все серые, однообразные... Но кто это?! Вон, один! Да это Ваня! Мой родной Ваня!.. Ну, конечно, это он! У него шуба, хотя и серого сукна, но воротник кенгуровый, и серая каракулевая папаха. Он! Он! Мой муж, мой любимый! Господи! Как я его люблю! Как я счастлива, что вижу его! Смотрю и не могу оторваться от окна. Вот он увидел Гайдамакина, поздоровался с ним; идут к моему вагону; вот и голос его, низкий, мягкий.

– Тиночка! Тинушка, родная моя! Да как же ты это решилась приехать сюда? – говорит он, целуя и прижимая меня крепко к себе, а я – плачу, не могу удержаться: слишком большое счастье и огромная радость!..

Вот он! Живой, теплый. И голос его, и глаза его! Весь мой, Богом данный мне муж...

– Ну, идем! Дай сначала я вытру слезки твои, да застегнись хорошенько, очень сильный мороз, – говорит он и сам застегивает мою меховую шубу.

– Мне не холодно, в этой шубе на Камчатку могу ехать.

– Здесь и есть вроде Камчатки! Высунешь руку в дверь, и она отмерзнет моментально, – шутит муж.

Он тоже счастлив – весь сама ласка и радость. Мы вышли на платформу – ни души! Я оглядываюсь кругом и говорю:

– Никого нет! Ни одного человека! Вот так война!..

– Да кому охота мерзнуть понапрасну? На вокзале народу много, спят в тепле. Там устроен питательный пункт: стоят длинные столы и скамейки, топится печь все время, тепло...

Но там только все военные, которые проездом задержались на день или на два, пока подвернется попутчик, который подвезет до его части! А частной публики здесь нет, и быть не полагается никому! Я получил твою телеграмму, сначала глазам своим не поверил! Но, смотрю, уже поздно, – скоро должен прийти поезд. Поехал! Но до прихода поезда, оказалось, еще целый час оставался. Я сказал Ткаченке, чтобы он укрыл лошадей попоной, а сам бы шел внутрь вокзала, в тепло. Морозы здесь такие, что дух захватывает!

Мы подошли к экипажу, который я видела первый раз в жизни.

– Вот моя двуколка! В ней ездю только я один... – сказал муж.

Двуколка – это экипаж на двух больших колесах: бока и верх покрыты брезентом. На обеих сторонах экипажа большие красные кресты. На переднем месте помещается возница и рядом с ним два или три сидячих легко раненных. Задняя стенка открывается, и туда кладут во всю длину четырех раненных. Везет такой экипаж пара лошадей. В двуколке мужа посредине было сиденье со спинкой.

– Вот это мой возница, Ткаченко, – показывая на солдата, сидевшего на двуколке.

– Здравствуй, Ткаченко, – поздоровалась я с ним.

– Здравия желаю! С приездом! – по-военному ответил он.

Мы с мужем сели на внутреннюю скамейку.

– Ну! Можно ехать! А то барыня замерзнет. Гайдамакин, как получишь багаж, приедешь с Ключиным на его двуколке.

Мы поехали!

– Тебе хорошо? – обнимая, меня спросил муж.

– Очень.

– Двуколка эта совершенно новая и очень удобная, закрывается со всех сторон. Я сплю в ней, когда ездю за ранеными на позицию.

– А разве есть раненные?

– Понемногу привозим каждый день! Но позиции отсюда далеко, и каждая поездка берет сутки. Это хорошо, что ты надела форму сестры, меньше обращаешь на себя внимания. Здесь нет женщин! Не полагается! Война – нечего смущать воинов...

Я слушала его и удивлялась, что он все время говорит. Вообще он неразговорчив, а пустую болтовню совсем не выносил и не любил мужчин, которые стараются занимать дам. «Ну, это пустой болтун», – говорил он, когда я спрашивала его о каком-нибудь знакомом мужчине, который нравился дамам... «Старается занять позицию на всякий случай», – говорил он о таких мужчинах. Женщин вообще не любил. Всегда говорил, что, «если бы не встретил тебя – никогда бы не женился ни на ком...»

Когда он был еще студентом Харьковского университета, хозяйская дочь (где он снимал комнату) влюбилась в него. Ничего не подозревая, он принимал приглашения то на чай, то на ужин, хотя и тяготился этим. Вообще изредка заходил, когда не находил предлога отказаться от настойчивых приглашений. Но и только. Но однажды дочь хозяев сама ему написала, что любит его и готова быть его женой. Пришел он поздно с лекции, увидел на полу под дверью письмо; положил его на стол, думая – из дому. И решил прочесть его позже. Через несколько минут стук в дверь! Открывает: она, хозяйская дочь...

– Вы, Иван Семенович, письмо видели? Подняли его?

– Да, видел, поднял!

– Прочли?

– Нет еще!

– Прочтите скорее, пожалуйста! – И ушла.

Взял он письмо, вскрыл, прочел... Уложил вещи, а утром позвал извозчика и переехал в гостиницу. Весной же, когда закончился семестр, перевелся в Казанский университет. И никогда больше не видел и не вспоминал об этой девушке.

А в Казани встретил меня – четырнадцати с половиной лет, маленькую, худенькую девочку. Полюбил. Два с лишним года ждал, чтобы подросла его невеста и будущая жена. И когда мне исполнилось шестнадцать с половиной лет – женился на мне.

– Что дома, все благополучно? Алексей что пишет? Яшка все пьянствует?

– Алеша пишет, что хоронят то одного, то другого убитого сальянца. Много уже убито офицеров! Убит Гриша Офонасенсенко; убит капитан Федоров! Жена его поступила на службу. У них ведь никаких средств не было, кроме его жалованья.

– Разве не дают пенсию семьям?

– В конце концов дадут маленькую, конечно! Но когда это еще будет?! Здесь как-то ничего не знаешь! А сколько знакомых уже убито, наверно. В городе на каждом шагу встречаются женщины в трауре. Потери на Западном фронте очень велики!..

– А вот и моя штаб-квартира! – сказал муж, показывая на крошечный домик, как мне показалось в темноте.

Двуколка подъехала к деревянному забору и остановилась. А я и не заметила, как мы доехали! Муж соскочил с двуколки, взял меня на свои сильные руки и поставил на снег.

– Ну, идем!

Мы вошли в калитку и по деревянным мостикам дошли до крыльца. В сенях было совсем темно! Солдат лег, вероятно, спать и потушил лампочку... Вот дурак!

Но в эту минуту открылась дверь в освещенную комнату; посреди комнаты стоял грубый деревянный стол, выкрашенный черной краской; над столом висела керосиновая лампа; вокруг стола стояли несколько некрашенных стульев.

– Это наша общая столовая. А там моя спальня, – он показал на открытую дверь.

– У тебя очень хорошо!

– Тебе нравится?

– Я так рада видеть тебя, что мне все нравится, что окружает тебя. А вот и Гайдамакин приехал с багажом!..

– Ваше высокоблагородие, куда сундуки нести?

– Да у меня одна только комната! Вон та, где я спал до сих пор. Если поместятся все сундуки и чемоданы, несите туда! Другого места нет, – сказал муж.

Я пошла в его спальню.

– Здесь темно! Зажгите лампу, пожалуйста!

– Да лампа-то только одна в столовой! Я зажигаю свечу, когда прихожу спать ложиться. Клюкин, принеси из кухни свечу.

Когда принесли свечу и зажгли, я увидела маленькую комнату с двумя ничем не завершенными окнами. В углу, у стены, стояла узкая железная солдатская кровать. Почти посреди комнаты стоял раскрытый чемодан мужа. Тут же валялись сапоги, носки и другие вещи мужа. Около кровати на пустом ящике стояло блюдо с куском догоревшей свечи. Кровать не была сделана: подушка свернута валиком, простыня скручена жгутом, а стеганое шелковое одеяло валялось на полу. И ничего больше – ни стола, ни стула, – ничего решительно! Одна узкая железная кровать и несколько гвоздей, вбитых в стену, на которых висели вещи мужа да полотенце.

Все стояли молча, разглядывая комнату, точно в первый раз видели ее... Молчала и я...

Прерывая молчание, муж сказал:

– Видишь ли, здесь ничего достать нельзя! Да и телеграмма твоя получилась поздно. Но завтра я пошлю разыскать какую-нибудь мебель. Этот дом был пустой, но там выше, где штаб, были дома с мебелью. Сегодня как-нибудь устроимся; переспим, только ведь одну ночь...

Я ни слова не сказала. Но он видел, что я подавлена обстановкой...

– Конечно, устроимся! На то и война, – только и могла я ответить...

– Несите вещи! Вот ставьте их здесь! На двух сундуках можно устроить постель для меня, ты еще не видел, что я привезла.

– Боже мой! Да ты полдома привезла!.. – сказал он, увидев, сколько сундуков внесли в комнату.

– Постели для барыни на моей кровати, а мне на полу. А мы пойдем ужинать! Ты голодна? На столе кипел самовар, стояло жареное мясо, хлеб... Но есть не хотелось...

– Как это ты решилась пойти на курсы? И мне ни слова не писала об этом!

– Хотела, во-первых, быть с тобой или хотя бы поближе к тебе! А во-вторых, должна же я хоть чем-нибудь помочь Родине!

– Попробуй, если сумеешь! Да что ты так смотришь на меня?

– Смотрю! Соскучилась по тебе. Но ты как-то странно изменился!

– Я и сам знаю, что изменился. Поживешь здесь – и ты изменишься... Но я бы не хотел, чтобы ты долго оставалась здесь! Здесь обстановка тяжелая, грубая. Никаких удобств – даже самых минимальных, человеческих.

– Ты не рад, что я приехала к тебе?

– Тиночка, родная, любимая, ты для меня больше жизни! И видеть тебя – для меня большое счастье! Я так рад, что ты опять со мной! Но ты же знаешь, что я не умею высказать все, что я чувствую и думаю! Но я был бы спокойнее, если бы ты жила дома! Пока здесь ничего не угрожает. Позиции далеко... А раз ты уже здесь, то поживи до Рождества! А после Рождества уезжай домой... И если уж очень хочешь помогать Родине, работай в каком-нибудь из госпиталей – там, наверно, много запасных госпиталей стоит! Ну а теперь пора спать! Два часа уже!..

Когда я проснулась на другое утро, то мужа в комнате уже не было. Я встала, надела халатик, пошла к окну и сняла простыни, которыми мы вчера завесили окна. Стекла были все в узорах от мороза, сквозь которые ничего нельзя было увидеть... Я подошла к дверям, позвала Гайдамакина и попросила горячей воды. Он принес большой кувшин теплой воды, таз и ведро для грязной воды... Когда я оделась и вышла в столовую, там уже никого не было. На столе кипел самовар, огромный кусок сыра, копченая колбаса, открытая коробка сардин и мешочная икра. «Это уже из моего запаса», – подумала я. Большой кусок хлеба, три стакана (чашек, должно быть, не было), один стакан чая, наполовину отпитый. В комнате было тепло. Я взглянула в окно. О! как все блестит! Сколько снега! Все засыпано им! Всюду сугробы! Вон дорожка разметена! Куда это она ведет? А! К маленькой деревянной будочке...

И дорожка чисто разметена, значит, по случаю моего приезда! И это все заботы Вани обо мне. Милый, родной человек – обо всем подумал...

Но как тут тихо и мирно! Вон солдаты ходят, разметаю дорожки; один несет охапку дров, должно быть, на кухню? Совсем как в прежнее время, когда мы жили в Карсе.

А солнце-то какое яркое! Снег блестит! Вон у солдата изо рта пар идет... Мороз, должно быть, сильный. Но жизнь кажется совершенно мирной, точно где-то в глуши в центре России! Позиции далеко отсюда, говорил Ваня, а здесь – тыл, штаб армии, госпиталя, хлебопекарни. А вот и Ваня!

– Здравствуй, Тиночка! Давно встала?

– Нет. А ты уже осмотрел свое хозяйство, а я все спала! Мне совестно...

– Ну, что ты! На то я и муж! Тинушка, многого я не могу сделать для тебя – такая уж здесь обстановка... Но я должен показать тебе некоторые необходимые вещи...

Он подвел меня к окну, из которого я видела дорожку, ведущую к будочке; вот это все удобства, и тебе придется ими пользоваться; другого я ничего не могу тебе предоставить...

– Знаю, знаю! Давай пить чай! – перебила я его.

– Хорошо. Но, пожалуйста, подождем минутку. Сейчас придет младший врач. Когда я вчера получил твою телеграмму и сказал ему, что ты приезжаешь, он очень обрадовался и рассказал мне, что у него жена сейчас живет в Тифлисе, чтобы быть поближе к нему. Они

из Елизаветграда. Оказывается, они недавно поженились, но он не смел просить разрешения приехать ей сюда. Сегодня утром, когда мы с ним ходили вместе, делая осмотр хозяйства, он спросил меня, можно ли его жене приехать сюда... Конечно, я разрешил. Я думаю, тебе будет даже лучше. Мало ли, что может случиться? Я с транспортом могу уехать на позицию; а так же и доктор Штровман. Вас будет две женщины тут, ты не будешь одна!

– Ванечка! Я приехала не сидеть, а работать! Я пойду в какой-нибудь госпиталь и предложу свои услуги. Ведь не за деньги же я иду работать, а без жалованья. А иметь лишние руки всякий, я думаю, согласится?

– А вот и доктор Штровман! Моя жена, познакомьтесь, – сказал муж, знакомя нас.

Мы познакомились. Он был небольшого роста, круглые толстые щеки, черная курчавая шевелюра, на носу – пенсне, мягкая толстая рука с короткими пальцами, рейтузы обтягивали короткие жирные ноги... Он сразу заговорил о будущем приезде жены:

– Какая здесь война! Я сижу тут, ничего не делаю; она сидит в Тифлисе – скучает. Гораздо лучше будет, если она тоже приедет сюда, как и вы...

– А она тоже сестра милосердия? Кончила курсы?

– Нет! Она курсов не кончала. Она не может делать такую работу; тяжело это для нее – она нервная.

– Да? А я вот хочу работать, а муж говорит, что раненых мало; что и для постоянного персонала работы мало, и моя помощь никому не нужна!

После чая мы с мужем пошли осматривать достопримечательности Сарыкамыша.

– Одевайся теплее, – сказал муж, – мороз сегодня необычайно сильный.

Ах! Какое яркое солнце! А снег так блестит, что больно смотреть. А как легко дышится! Мы идем немного все в гору по нашей улице.

– Вон большой дом, это штаб. А вон на горе, большое здание, – это и есть хирургический госпиталь. Он и был все время госпиталь для стоящих здесь в мирное время войск. Оборудован по последнему слову науки. Огромный, чистота идеальная. Мой транспорт доставляет сюда раненых (больных не принимают здесь, а только хирургических).

Мы дошли до самого здания. И остановились. И залюбовались. Отсюда с высокой точки открывался великолепный вид на весь Сарыкамыш и окрестности.

– Вон, под горой, небольшое здание. Это вокзал, где я тебя вчера встретил. А вон бывшие казармы Елизаветпольского полка. Собственно, этот госпиталь – тоже бывший Елизаветпольского полка. Только его расширили, да персонал другой. А все эти домики нарядные, чистенькие – собственность офицеров; семьи уехали кто куда, некоторые взяли вещи, мебель, а большинство все оставили в домиках. Хочешь, зайдем в госпиталь?

– Хорошо, только дай мне еще полюбоваться.

Госпиталь стоял на возвышенности почти около самой дороги на Кагызман. Вокруг госпиталя были цветники, теперь покрытые толстым слоем снега, и сейчас же за госпиталем начинался сосновый лес. Одиночные старые огромные сосны стояли совсем близко вокруг госпиталя.

– Летом здесь великолепно! Помнишь, я с Кабардинским полком был здесь на маневрах два лета подряд? Город ведь там, внизу. Там вон другие госпитали, в тех кирпичных двухэтажных домах, а ниже, еще правее, длинное, низкое здание – это склады продовольствия и там же хлебопекарни недалеко. Вон военная церковь. Между вокзалом и городом видишь, какая выемка? Сейчас плохо видно – все снегом покрыто; а весной это пространство все покрыто водой, целая большая река! Вон, где едут двуколки, – это дамба, единственная дорога, соединяющая город с вокзалом; дальше она идет к Караургану и к нашим позициям.

– Очень мне все нравится! А жить здесь летом прямо великолепно! Грибы можно собирать. Рыжики, я думаю, есть в сосновом лесу, и боровики! Всюду, куда ни взглянешь, эти гиганты-сосны.

– Да, летом здесь чудесно! Но сейчас ты замерзла. Идем теперь в госпиталь! Там ты согреешься. А то и мне холодно стало.

Мы вошли в подъезд. Солдат открыл двойные стеклянные двери. В огромном вестибюле была идеальная чистота.

– Где доктор Платовский? – спросил муж у дневального. – Скажи, что доктор Семин хочет видеть его.

Сейчас же к нам вышел доктор Платовский. Он был немолодой, подтянутый щеголь, все на нем было ловко пригнано. Да и весь он казался каким-то выхоленным...

– Здравствуйте, коллега! Позвольте познакомиться: моя жена, только вчера приехала и хочет непременно сейчас же работать. Только что кончила курсы.

– Очень приятно. Но у меня полный штат сестер, а вы сами знаете, ваш же транспорт доставляет в мой госпиталь раненых, что раненых еще мало. Но, если нам навезут раненых столько, что мы не сможем управиться, я сейчас же дам вам знать. А пока нам самим делать нечего! У меня госпиталь на семьсот человек, и даже можем поместить больше, если будет в том нужда; полный штат врачей и сестер, а на довольствии только сто двадцать три человека числится, да и тех все время отправляем в Тифлис! Приходите! Всегда рады будем вашей помощи. Только до весны, я думаю, никаких боев не будет. Турки сидят около мангалов и греются. Где им наступать в такую стужу, без одежды, без обуви и без провианта! Весной – другое дело! Обувь и одежды никакой не нужно! Еда подножная! Самый раз для турецкой армии. Будем устраивать елку с подарками и танцами и костюмированный бал, если других занятий нет! – сказал он нам на прощание.

Мы вышли из госпиталя.

– Ну и отлично. Я очень рад, что твое желание работать не осуществилось; будешь сидеть дома, а после Рождества поедешь домой. Я не люблю этого Платовского! Какой-то хлыщ! Всегда прилизанный, затянутый! И о себе большого мнения. Хорошо ему быть чистеньким – занимает квартиру, как в мирное время, в пять комнат с ванной! Пожил бы он в пустом домишке да походил бы на мороз в будочку. Хочешь, пойдем я покажу тебе главную улицу и лавочки? Там внизу есть. Торгуют папиросами, спичками и всякой солдатской мелочью.

Мы спустились обратно по нашей же улице, прошли мимо нашего дома и дошли до главной улицы, где был поворот с дамбы к центру города. Улица была широкая, но снег лежал на ней толстым слоем несчищенный; по бокам улицы стояли деревянные лавочки-ларьки. На их прилавках лежали пакетики махорки, спички и грубая белая бумага, вчетверо сложенная, для «цыгарок», и даже банки с монпансье.

– Вот и все достопримечательности военного Сарыкамыш! Там есть еще госпитали, но, я думаю, довольно с тебя на сегодня! Холодно, ты замерзла совсем. Идем теперь домой, – сказал муж.

Мы пошли обратно. Когда мы подошли уже к дому, муж предложил:

– Хочешь посмотреть лошадей? И я тебя познакомлю с командой.

– Хорошо! Но мне очень холодно. Твое солнце светит ярко, но не греет!

Но транспорт стоит вот, напротив, тут же и команда живет, тут же и канцелярия. Я увидела такой же деревянный дом, стоящий внутри двора, а двор был обнесен деревянным забором, к которому были привязаны лошади. Лошади были привязаны вдоль всего забора: некоторые были накрыты попонами из солдатского сукна.

– О! Как много у тебя лошадей? Но почему они грызут забор? Они его съедят весь! Посмотри! Сколько они выгрызли уже его!

– Знаю, меня самого это занимает страшно! Но никто не знает, почему они грызут забор. Я спрашивал моего ветеринарного фельдшера, но и он тоже не знает... Может быть, зубы у них чешутся, как у детей когда режутся новые?

– Не знаю! Лошади все старые. Сена у тебя целый стог?

– Да, запаслись, пока нет большой работы. Я приказал сделать запасы теперь. А когда будет много работы по перевозке раненых и больных, лошади будут все заняты, и за фуражом ездить будет некогда и не на чем. Тиночка, в команду не пойдем; двенадцать часов уже, они теперь обедают.

Мы пошли домой; я сильно замерзла.

Через четыре дня после моего приезда в Сарыкамыш и с тем же поездом приехала жена младшего врача Штровмана. Она молодая еще, и так же, как и ее муж, в пенсне, сутулая, с некрасивыми руками, но выхоленными. Мы встречаемся с ними только за едой. Они целый день ходят по городу и осматривают или сидят у себя в комнате.

С тех пор как я приехала, муж не пил вина совсем. Но вчера за обедом опять появилось вино на столе.

– Гайдамакин! Открой вон тот ящик и достань бутылку коньяку.

Ящик, который стоял в углу, оказался полон бутылками с коньяком и вином.

– Откуда у тебя столько напитков? Ведь запрещено продавать?

– О! Это у меня достает Костин – заведующий хозяйством. Он все знает, где что можно купить. Правда, страшно дорого платит, но зато в неограниченном количестве может достать.

– Зачем тебе столько напитков? Этого на год хватит!

Но я стала замечать, что с каждой едой он порцию вина все увеличивал. А вскоре начал пить и между едой – так, от нечего делать... А делать правда было нечего: сходит утром в транспорт, выслушает рапорт, который докладывал ему каждый день подпрапорщик Галкин – в транспорте все благополучно, подпишет ведомости и идет домой. Я привезла ему несколько медицинских книг и журналов, которые пришли уже после его отъезда из дому. Он посмотрел, поперелистывал их и сказал: «Ни к чему не нужный груз»!

* * *

Конец мирного житья на фронте.

Прошло еще несколько дней ничегонеделания, и вот, как-то поздно ночью, я уже давно спала, муж разбудил меня и сказал:

– Тиночка, я только что получил телефонограмму. Требуют двуколки за ранеными. Хочешь поехать, если я сам поеду за ранеными?

– Да теперь ведь ночь?!

– Да, второй час ночи.

Он был возбужден, но не телефонограммой, а выпитым вином.

– Никуда я не поеду, я спать хочу! А ты не ложишься еще спать?

– Нет еще.

– Хорошо! Я сейчас оденусь и поеду с тобой.

– Одевайся теплее, мороз чертовски сильный. А я скажу Гайдамакину, чтобы ставил самовар.

Я оделась и вышла в столовую. Муж отдавал распоряжения стоявшему перед ним подпрапорщику Галкину:

– Пятнадцать двуколок, фуражу на сутки и команде продовольствия тоже на сутки! Скажите Ткаченке, что я сам поеду, чтобы подавал мою двуколку. Идите и будите команду. Время еще есть, пускай попьют чай.

Подпрапорщик ушел.

– Гайдамакин! Успеет у тебя самовар закипеть, пока транспорт будет готов?

– Сейчас будет готов. А какой еды положить вам в дорогу?

– Я сама приготовлю, а ты скорее самовар давай.

– Много не бери еды; команда берет мясо, и будут варить суп, так мы у них возьмем по тарелке супа.

Самовар подан, мы наскоро выпили по стакану горячего чая, оделись и вышли на этот сорокаградусный ночной мороз. Сразу дыхание захватило, ресницы стали слипаться от инея, который образовался на них. Но когда мы сели в двуколку и укрыли ноги одеялом, стало теплее.

– Галкин! Ну что, все готово?

– Так точно, готовы!

– Ткаченко, трогай!

И режущие заскрипел скованный морозом снег под колесами двуколки.

Мы быстро спустились по нашей улице на главную, повернули влево и выехали на дамбу. Тишина! Ни одного звука и ни одного нигде не светится огонька! Даже не слышно цоканья лошадиных подков по обледенелому снегу... Только один режущий звук колес!

Вот вокзал, мимо которого мы едем. И здесь полная тишина. Ни души не видно. Так же горит у дверей фонарь, как и в ту ночь моего приезда.

Когда мы отъехали от вокзала и глаза привыкли к темноте, ночь показалась совсем не такой темной. Я обратила внимание, что мы едем вдоль той самой горы, которую мне показывал муж. Она была над самым вокзалом и тянулась еще долго вдоль дороги, по которой мы ехали.

– Тина, ты не замерзла?

– Нет! Мне тепло.

– Я очень рад, что мы с тобой поехали за ранеными. А то я не знал, что с собой делать. Я очень тебя, Тиночка, люблю, но все же мне нужна работа – думать, двигаться! Когда ты ушла спать, я остался, сидел и пил... И думал, что если буду продолжать и дальше так же, то сопьюсь совсем... И вдруг эта телефонограмма. Откровенно говоря, я очень обрадовался ей. Часов в восемь или в девять мы будем на месте. Лошади отдохнут, команда сварит обед, поест. Потом будем нагружать раненых, и в обратный путь. Вечером, часов в десять, будем дома. Обратно тихо поедem – с ранеными не погонишь!

День давно наступил, солнце взошло яркое, но холодное, и уже было довольно высоко на небе, когда наш транспорт остановился. Сейчас же подошел к нашей двуколке старший по транспорту и спросил мужа:

– Можно здесь остановиться и распрягать лошадей?

– Хорошо! Я думаю тут нас никто не побеспокоит! Распрягайте.

– Почему мы тут остановились?

– Мы приехали. Вот здесь и будем брать раненых.

– Где же? Тут ничего нет!

– А вон там! – Муж показал куда-то, но я ничего не видела, кроме каких-то не то развалин, не то холмов... – Все турецкие городишки такие! Вон, смотри, белый флаг! Видишь? Там перевязочный пункт, куда сносят раненых из полков. Помещение ужасное, я был уже здесь. Просто сарай какой-то, но большой, да все равно лучшего ничего здесь не найдешь! Я пойду узнаю, сколько раненых и когда они будут готовы к погрузке.

Муж ушел, а Ткаченко распряг лошадей, укрыл их попонами и пошел к кострам. Костров было много, и около каждого грелись санитары. А у лошадей на головах висели торбы с кормом. Когда муж вернулся, то сказал:

– Как только пообедают команда, и, если лошади отдохнули, запрягайте, будем грузить раненых. Раненых оказалось больше, чем было сообщено в телеграмме. Идут бои, и раненых все время подносят...

Ну вот, обед съеден, лошади запряжены, и двуколки одна за другой стали выезжать на дорогу и подъезжать к перевязочному пункту. Муж опять пошел туда, чтобы наблюдать за погрузкой. Я с Ткаченко осталась в самом хвосте транспорта. Но сидеть неподвижно в такой мороз – долго не усидишь. Я пошла к пункту, где уже выносили раненых и укладывали их в

двуколки; некоторые шли сами и садились на указанное им место. Каждого раненого укрывали тоненьким, из солдатского сукна, одеялом.

Как они доедут в такой мороз под такими одеялами?! Погрузили по шести человек в двуколку... Наконец погрузка кончилась, последняя двуколка отъехала. Муж вышел из перевязочного пункта, неся в руках пачку списков раненых.

– Всех забрали, Ваня, раненых?

– Всех, но долго задержались. Поздно приедем в Сарыкамыш! Никогда нельзя рассчитывать, и всегда выходят задержки! Ну-ка, Ткаченко, перегони транспорт, я поеду впереди! Скоро ночь, будет дорогу плохо видно, так мы будем показывать ее.

Ткаченко свернул на твердый, как лед, снег, и наша двуколка стала обгонять транспорт. Короткий зимний день. Не прошло и часа, как мы выехали из Кеприкея, и уже темнеет. Лошади сами мерзнут и, желая согреться, бегут шибко, но частые остановки сильно задерживают. Пока было светло – еще ничего. Но, когда совсем стемнело и мороз усилился, остановки становились все чаще...

– Почему опять остановились? – спрашивает муж санитар.

– Раненые плачут! Мерзнут! – сказал санитар.

Муж сошел с двуколки и пошел вдоль транспорта; вышла и я и тоже пошла за ним. И сейчас же услышала:

– Санитар! судно!

– Ох, замерзаем совсем!

– Дайте одеяло!

– Санитар! Санитар! – несется из другой двуколки, – здесь помер один!.. – кричит кто-то.

– Эй, Клюкин! Собери все попоны и накройте раненых, которые больше мерзнут... – отдает распоряжение муж.

Опять едем дальше. Но чем ближе ночь, тем мороз сильнее и тем чаще остановки, тем больше слышны стоны, плач и крики:

– Ох, замерзаю, замерзаю!

Вот опять стоим!..

– Есть еще умершие, – докладывает подпрапорщик.

– Если будем останавливаться часто, то мы и половины живых не довезем до Сарыкамыша! – говорит муж. – Нужно гнать без остановок, а то все померзнут!

Когда приехали в Сарыкамыш, я прямо поехала домой, а муж поехал с ранеными в госпиталь. Вернулся он страшно уставшим.

– Ну как, все благополучно?

– Если не считать умерших и обмороженных, то все благополучно, – сказал он грустно. – Но, если бы ездил доктор Штровман, то у него покойников было бы больше половины! А ты как чувствуешь себя?

– Отошла! А когда пришла в тепло, не могла расстегнуть шубу, пальцы мои так болели, что Гайдамакин оттирал их снегом. Но, Ваня, разве нельзя потребовать больше одеял, шуб?! И вообще принять всяческие меры, чтобы не страдали так раненые?!

– А какие бы ты приняла меры? Ты сама сегодня ездила и видела все... Что можно сделать? И здоровому трудно переносить такой мороз! А человеку раненому, лежащему неподвижно, да еще потерявшему много крови, значит, слабому, – крышка!

Он заходил по комнате, засунув обе руки за пояс и дымя нервно папиросой! Вот это и есть война!

* * *

Прошло два дня, и опять телефонограмма: прислать двуколки за ранеными в Караурган!

– Хочешь, поедem опять? Это ближе, чем Кеприкей. Мы выедем завтра в пять часов утра и к ночи вернемся обратно. Днем не так холодно, как ночью, и раненые не так будут страдать от холода. Возьму походную кухню. Дорогой будем кормить обедом раненых. Вот тебе будет много работы: будешь кормить слабых и тяжело раненных...

Опять мы встали ночью, напились чаю, оделись и вышли на мороз. В пять часов еще совершенно темно, мы выехали из дому и поехали по той же дороге мимо вокзала, и, только когда стало светло, транспорт свернул вправо, и около восьми часов были в Караургане, маленьком турецком городке.

Муж ушел на перевязочный пункт узнать, сколько раненых и когда можно их грузить. Когда он вернулся, то сказал подпрапорщику:

– Раненых много, и они еще все время прибывают с позиций. Погрузку можно начинать, как только отдохнут лошади. Кормить обедом раненых будем мы.

Сегодня солнца нет. Падают редкие снежинки, и много теплее, чем в прошлый раз, когда мы ездили в Кеприкей.

– Сегодня, слава богу, теплее, – говорю я мужу.

– Да! Но еще неизвестно, что будет дальше... Как повалит снег, занесет дорогу, и вместо четырех часов будем ехать десять, – сказал он. – Это прямо будет ужасно для раненых!

Так и случилось: снег все усиливался, хлопья его становились все крупнее... Мы с мужем сидели в нашей двуколке.

– Посмотри, горы уже совсем затянуло! Там снег еще сильнее... Как мы проедем с ранеными?!

– Это так кажется, потому что далеко. Однако нужно запрягать, забирать раненых да ехать скорее. Подпрапорщик Галкин! Если лошади отдохнули, прикажите запрягать и подавать к перевязочному пункту.

– Два часа только стоят...

– Я боюсь, если снег будет идти все время, то нам будет трудно проехать. Дорога узкая, обрывистая; занесет ее, и мы задержимся в пути на много лишних часов, если совсем не застрянем...

– А как с обедом?

– Суп почти готов. – Галкин ушел, и скоро все пришло в движение...

Двуколки одна за другой вытянулись вдоль улицы до самого перевязочного пункта.

Муж ушел, чтобы смотреть, как будут укладывать раненых. Мы остались с Ткаченко опять в самом хвосте транспорта.

– Вот ведь грех какой! Погода-то «спортилась»! Теперь снегу навалит столько, что не проедешь! Хорошо еще, тихо – ветру нет, а то придется дорогу расчищать!

Долго мы стояли, пока всех раненых уложили, и наконец последняя двуколка отъехала от перевязочного пункта. Ткаченко подъехал, и муж сел в нашу двуколку.

– Ткаченко! Мы поедem впереди, чтобы найти место для остановки обедать.

Мы обогнали транспорт. И я не слышала ни стонов, ни криков раненых...

– Почему сегодня все так спокойны? Нет тяжелораненых? – спросила я мужа.

– Конечно, есть! Вот погоди, после обеда начнется другое, – ответил он.

Мы довольно далеко отъехали от транспорта, и муж все время смотрел, где бы найти подходящее место для остановки.

– Вот здесь остановимся. Все равно лучшего места не найдем. Стой, Ткаченко!

Сейчас же стали подъезжать и другие двуколки. Подошел Галкин.

– Здесь будем кормить обедом раненых. Если сможете, съезжайте с дороги. Но я думаю, что это опасно: снегу много, застрянем... – сказал муж.

Транспорт остановился. Кухня, ехавшая в хвосте, теперь въехала в середину транспорта. Конюхи навесили на головы лошадям торбы с кормом. Я вышла из двуколки и пошла к кухне. Около нее собрались санитары; подошел муж с подпрапорщиком Галкиным.

– Ну как? Суп готов, Какошвили? – спросил муж у кашевара.

– Так точно, готов.

– Ну, давай пробу.

Кашевар зачерпнул снизу, стараясь дать пробу старшему врачу погуще.

Муж попробовал суп:

– Молодец, Какошвили, суп отличный. Раздавайте, – сказал он.

Запах супа дошел и до меня и раздражающе щекотал мои ноздри. Под ложечкой даже заныло от голода. Но я не посмела попросить у мужа его пробу, которую он возвратил кашевару недоеденной. «Вот бы съесть горячего супа», – подумала я. В это время Галкин, идя вдоль рядов двуколок, кричал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.